Жорес Трофимов

ВОЛКОГОНОВСКИЙ ЛЕНИН

(критический анализ книги Д. Волкогонова "Ленин")

Жорес Трофимов

ВОЛКОГОНОВСКИЙ ЛЕНИН

(критический анализ книги Д. Волкогонова "Ленин")

Ульяновск, 1995 г.

ББК 85.14
Т 59

Редактор: кандидат исторических наук Перфилов В. А.

Трофимов Ж. А.
Т 59 "Волкогоновский Ленин" (критический анализ книги Д. А. Волкогонова "Ленин") — Ульяновск: "Симбирская книга", 1995. — 90 с.

Ж. А. Трофимов — автор многих книг, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина, семьи Ульяновых, критически анализирует книгу Д. А. Волкогонова "Ленин", претендующую, по словам автора, быть первой "честной книгой" о В. И. Ленине. Что из этого получилось, можно узнать, прочитав это исследование. Книга издана при поддержке членов Ульяновского общества "За правду о В. И. Ленине и нашей истории".

ISBN 5—8426—0178—8 **ББК 85.14**

Сегодня отечественная историческая наука переживает вульгарную актуализацию истории. Наше прошлое и исторические деятели активно используются в интересах современной ситуации. Особенно достается в этих условиях деятелям революционного движения, которых из народных героев, каковыми они признавались, превращают в заурядных уголовников. И дело не только в том, что появляются какие-то новые материалы, которые побуждают менять сложившиеся оценки, а, главным образом, в том, что общеизвестный материал сознательно деформируется в угоду новой концепции. Публицистический накал — это коварное оружие. Когда он преследует личные, националистические или партийные интересы, то ведет к прямой фальсификации истории[1].

Одной из таких жертв, и не впервые, является фигура В. И. Ленина. Вышедшая в 1994 году книга Д. А. Волкогонова "Ленин", несомненно, является "крупным" вкладом в решение задачи по дискредитации В. И. Ленина. Хотя Дмитрий Антонович оговаривается, что он хотел бы рассмотреть Ленина не с одной стороны, а с разных сторон, но это у автора не получается. Потому что с самого начала его заглавная цель — осветить "теневую" сторону жизни Ленина. Заданность просматривается на протяжении всех двух томов. Любой спорный факт, связанный с В. И. Лениным, комментируется не в его пользу, В. И. Ленин предстает виновником всех бед. На каждой странице заметно стремление автора принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, доказать, что он, нынешний оппонент В. И. Ленина, разобрался во многих ситуациях лучше и глубже.

Естественно, что не все могут согласиться с такой оценкой личности В. И. Ленина, методикой и методологией использования архивных источников и публикаций. Критическому анализу книги Д. А. Волкогонова посвящена работа кандидата исторических наук Ж. А. Трофимова.

Жорес Александрович родился в 1924 году в Могилеве. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Долгие годы служил в рядах Советской Армии.

---

[1] См. Вопросы истории, 1994, № 6.

Ж. А. Трофимов более тридцати лет занимается изучением жизни и деятельности В. И. Ленина, семьи Ульяновых. Им написаны десятки книг, исследований. Среди них: "Ульяновы. Поиски, находки, исследования", "Дух революции витал в доме Ульяновых", "Великое начало", "Казанская сходка", "Самарские университеты", "Мать Ильича" и другие. Все это является результатом многолетнего поиска ученого в архивах, музеях, библиотеках Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Ульяновска, Астрахани, Горького (Нижнего Новгорода), Казани, Куйбышева (Самары), Пензы, Саратова. Им найдено немало новых фактов, деталей из жизни семьи Ульяновых, Владимира Ульянова (Ленина).

В последние годы он весьма заметно расширил рамки исследований жизни В. И. Ульянова (Ленина). Им были опубликованы такие исследования, как "О втором покушении на жизнь В. И. Ленина", "Небылицы вместо правды", "Очередная "утка" о рейхсмарках для Ленина" и другие. В них нашли отражение наиболее острые вопросы, связанные с оценкой личности В. И. Ленина. Поэтому предлагаемое исследование Ж. А. Трофимова "Волкогоновский Ленин" является вполне естественным продолжением этой важной работы. На наш взгляд, эта новая книга представляет значительный интерес для всех тех, кого интересует жизнь и деятельность В. И. Ленина, история нашего Отечества.

Перфилов В. А.

КАК "ПАСЛИ" Д. ВОЛКОГОНОВА В УЛЬЯНОВСКЕ

В многочисленных интервью 1990—1994 годов и в автобиографических высказываниях, вкрапленных в политические портреты "Вожди", бывший заместитель начальника Главного политуправления СА и ВМФ генерал-полковник доктор философских и исторических наук Д. А. Волкогонов подчеркивал, что имеет личный счет к Сталину. "Отец был агрономом, — рассказывал он корреспонденту "Недели" в мае 1990 года. — Его расстреляли в конце 1930-х; кто-то посчитал, что грамотный, много читающий крестьянин — это подозрительно. Мать сослали в Красноярский край, затем в Забайкалье. Я родился там, в ссылке, а мать там же умерла сорока с небольшим лет. Была учительницей"[1].

В книге о Сталине Дмитрий Антонович вновь возвращается к этому сюжету: "Я вырос на юге Красноярского края, в Ирбейском районе, в селе Агул... Мать была директором семилетней школы... Жили очень трудно, особенно после того, как забрали и расстреляли отца, а нас сослали сюда. Поскольку мы жили в Приморском крае, ссылать дальше на восток было некуда (разве что в Японию?), привезли на запад, в этот Агул. Учителей не было, и матери, окончившей университет после революции, разрешили учительствовать"[2].

Признаться, трудно поверить, чтобы агронома репрессировали за страсть к чтению, тем более, что и его жена-учительница просто обязана была ежедневно работать с книгами. Не так-то просто разобраться и с местом рождения именитого автора, ибо оно тоже не обозначено. Неизвестным для читателей осталось и то, где именно Дмитрий Антонович получил среднее образование, когда и где впервые облачился в военную форму.

В "Триумфе и трагедии" автор говорит о себе сразу как о питомце "Орловского танкового училища", который в июле 1952 года узнал, что он давным-давно "мечен". "После выпускного праздничного обеда в столовой училища новоиспеченные лейтенанты со скрипящими портупеями, золотом погон собирали свои бесхитростные фибровые чемоданчики, чтобы навсегда разлететься по частям, куда мы были назначены. Перед расставанием с друзьями, — пишет Д. Волкогонов, — ко мне подошел один товарищ из моего взвода и, отведя в сторону, сказал:

---

[1] Неделя, 1990, № 26, май, с. 13.

[2] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1991, кн. 2, ч. 2, с. 177—178.

— Поклянись, что никогда этого никому не скажешь!

— Конечно, — удивленно и непонимающе глядел я в лицо однокашника.

— Я три года "пас" тебя и докладывал, что ты говоришь, ну, в общем, поглядывал за тобой... Прости, отказаться не мог.

— Что же ты говорил? — все еще не придя в себя, уставился я на товарища.

— Раз ты кончил училище, да еще с отличием, значит, ничего плохого... Ну, всего тебе... Не поминай лихом. Знай, могут ведь и еще, — заглянул в глаза собеседник.

Не называю фамилии только потому, что где-то, наверное, он трудится и сейчас, а я ведь дал слово", — завершил свой рассказ Дмитрий Антонович.

Неосведомленный читатель может подумать, что курсантская пора генерала-философа прошла в Орле. На самом же деле золотые погоны им были получены в Ульяновске, куда после войны переехало Орловское дважды Краснознаменное танковое училище им. М. В. Фрунзе. Но главное, о чем упорно умалчивает автор "Триумфа и трагедии", это то, что после окончания учебы в родном городе Ильича он и не думал "упаковывать фибровый чемоданчик", ибо политотдел рекомендовал его на должность секретаря комсомольского бюро танкового батальона обеспечения своего же училища.

Когда мне довелось побеседовать с бывшим начальником политотдела училища полковником в отставке В. М. Чумичевым, он выразил сильное сомнение в том, чтобы кто-то "пас" Волкогонова. Зато уже на первом курсе великовозрастный курсант (ему был 21 год) вошел в число отличников, активно проявил себя в общественной и спортивно-массовой работе. Примечательно и то, что Д. Волкогонов был избран секретарем комсомольской организации роты и членом бюро ВЛКСМ батальона. В 1950 году (на 2 курсе) он стал кондидатом в члены ВКП(б) и по рекомендации политотдела избран на офицерскую должность (с получением штатного оклада) секретаря комсомольского бюро своего же батальона и удостоился звания старшего сержанта. В 1951 году Дмитрий Антонович получил заветный билет члена Коммунистической партии.

Немаловажное значение для курсанта-политработника сыграло то обстоятельство, что командир батальона полковник Иван Леонтьевич Городко оказался заядлым стрелком-спортсменом, который вовлек в стрелковую секцию и свою жену Антонину Семеновну, и Д. Волкогонова, показавшего на занятиях меткую стрельбу. Совместные тренировки с начальством и участие в соревнованиях сблизили комсомольского вожака с замполитом батальона майором

Е. Олениным, преподавателем огневой подготовки майором Б. Сивковым — тренером сборной училища, другими офицерами.

Начальству импонировали умение Д. Волкогонова подхватывать различные почины в комсомольской жизни, сочинять планы и отчеты, идеологически выдержанные выступления на собраниях и митингах. Многим запомнилась горячность Дмитрия Антоновича по выявлению виновников того, что бюст Сталина, стоявший в клубе училища, был немного поврежден. Естественно, что когда требовалось послать представителя на собрание комсомольского актива Ульяновска, на окружное совещание или конференцию в Куйбышев, то Волкогонов обычно оказывался в числе первых и надежных кандидатов на представительство от училища.

Сразу же после того, как курсант Дмитрий Волкогонов занял офицерскую должность комсомольского секретаря, он поставил себя в привилегированное положение: распорядок дня исполнял как это ему хотелось, в наряды не ходил, занятия по строевой и физической подготовке, а также полевые учения нередко избегал. Зато имел свободный выход в город для посещения райкома, горкома и обкома ВЛКСМ, а, если нужно, то и увеселительного заведения (оклад получал раз в шесть больший, нежели однокурсники), свидания с девушкой. Словом, на 2 и 3 курсах, Дмитрий Волкогонов в своем взводе был чуть ли не гостем, и никакой курсант-сослуживец не был в состоянии бдительно "пасти" старшего сержанта, вращавшегося больше с начальством, чем с однокашниками.

А вот политотдел и командование, действительно, по-своему "пасли" комсомольского вожака батальона, укрепляли его авторитет, подчеркивали на подведении итогов учебы, что Д. Волкогонов имеет шансы на получение при выпуске из училища свидетельства с отличием. На практике это означало для преподавателей сигналом к поощрению молодого политработника пятерками по своим предметам. Замполит батальона Оленин, работавший ранее в комсомольском отделе политуправления ПриВО, замолвил там словечко о своем подопечном, и еще до выпускных экзаменов судьба Дмитрия Антоновича была решена так, как ему страстно хотелось: его рекомендовали на должность комсомольского секретаря танкового батальона обеспечения училища. А женой новоиспеченного полит-работника стала дочь работника Инзенского райкома партии А. И. Купцова.

Дмитрий Антонович старался оправдать доверие руководства и добросовестно выполнял обязанности комсомольского секретаря батальона: заботился о росте рядов своей организации, помогал комсоргам в ведении документации, в выпуске боевых листков, в

проведении культпоходов, спортивных соревнований и т. п. Само собой разумеется, что он выступал перед солдатами и сержантами на политические темы, пропагандировал "Экономические проблемы социализма в СССР", "Марксизм и вопросы языкознания" и другие труды Сталина. Вполне искренне лил слезы, когда узнал о кончине Иосифа Виссарионовича...

Приволжский военный округ недаром называли основной кузницей офицерских кадров: ни в каком другом не было столько авиационных, танковых и иных военных училищ, сколько здесь. В одном Ульяновске имелось два танковых, да еще и училище связи. А вот сумел-таки старший лейтенант Волкогонов, не без тех, кто его по хорошему "пас", приглянуться кадровикам политуправления, которые и перевели его в 1954 году в Куйбышев на престижную должность инструктора комсомольского отдела политуправления ПриВО.

Я в это время в звании капитана трудился на скромной должности замполита роты связи (по штату — должность старшего лейтенанта) 6-й военной авиашколы первоначального обучения летчиков в г. Каменке Пензенской области. И не раз видел, как наши политотдельцы почтительно принимали визитеров из политуправления ПриВО, даже комсомольских инструкторов: помочь ничем не помогут, а вот выискать недостатки в делопроизводстве и преподнести красочно их окружному начальству для последующего разноса — они мастаки.

Что касается Д. Волкогонова, то он обладал еще качеством, особо ценившимся в высоких канцеляриях — бойким пером, которое придавало докладам, донесениям и отчетам благообразный вид. Судя по статье "Больше творчества в работе", опубликованной в окружной газете "За Родину", 10 мая 1957 года за подписью старшего лейтенанта Д. Волкогонова, он, как инструктор политуправления, специализировался на вопросах идейно-политического и воинского воспитания молодежи. При анализе работы комсомольского бюро части, где секретарем был офицер М. Т. Чугуряев, автор, прежде всего, выделил умелую пропаганду среди воинов речи В. И. Ленина на III съезде комсомола. Он отметил, что здесь проводились встречи со старыми большевиками, коллективные читки других трудов Владимира Ильича, а также ленинские чтения, во время которых воины высказывали "свои сокровенные мысли о великом вожде, о созданной им Коммунистической партии, о заветах Ильича молодежи и о своей решимости претворять их в жизни".

В работе комсомольского бюро "по воспитанию воинов в духе советского патриотизма, преданности Коммунистической партии и готовности по первому ее зову встать на защиту своего Отечества"

Д. Волкогонов одобрил проведение тематических вечеров под девизами: "Служить Родине, как завещал Ленин, как учит партия", "Все мы идем за тобой, партия родная", а также встречи с передовиками производства, сельского хозяйства, борющимися "за претворение в жизнь мудрых предначертаний партии", вечера дружбы, на которых воины различных национальностей рассказывали, "каких громадных успехов в развитии народного хозяйства и культуры добились их республики при братской помощи всей дружной семьи народов нашей великой Родины".

В целом положительно оценив деятельность комсомольского бюро, инструктор Волкогонов, как водится, отметил и недостатки: "в некоторых организациях части робко используется все многообразие форм воспитательной работы. Например, еще не практикуются популярные беседы на темы: "Что такое пролетарский интернационализм", "О классах и классовой борьбе", "О путях перехода от капитализма к социализму" и другие... В свете указаний VII пленума ЦК ВЛКСМ следует усилить работу по воспитанию у нашей молодежи коммунистической морали и нравственности".

Резкой критике Д. Волкогонов подверг тех комсомольцев, "которые считают, что в делах сегодняшнего дня нет революционной романтики, которая была присуща двадцатым, тридцатым годам. Это неправда, — заверил автор статьи и резко осудил скептиков. — Тот, кто не слеп, прекрасно видит, что сегодняшние задачи, стоящие перед нами, сложны, величественны, полны революционного пафоса. Большие победы одержаны за 40 лет существования советской власти в экономическом и культурном строительстве. А ведь не менее 18 лет заняли гражданская и вторая мировая войны и последующие периоды восстановления народного хозяйства".

От этой статьи так и веет пустозвонством. Она ярко характеризует канцелярски-бюрократический стиль работы инструктора политуправления и шаблонное понимание сути воспитательной работы комсомольского бюро части. Достаточно сказать, что в пространной статье не упомянут ни один комсорг подразделения и ни слова не сказано о действенности проводимой комсомольскими активистами воспитательной работы. Тем не менее, служебная деятельность старшего лейтенанта Д. Волкогонова была вознаграждена направлением на учебу в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

Такую карьеру, какую сделал выходец из захолустной забайкальской станицы, да еще из репрессированной по политическим мотивам семьи, нельзя не назвать блестящей. И каждому ясно, что если бы ведомство Берии "пасло" курсанта и офицера Д. Волкогонова в 1949—1953 годы, то вряд ли он бы вообще стал политработ-

ником. Наверное, дело обстояло принципиально иначе: особист, курировавший танковое училище, имел достаточно времени убедиться в том, что комсомольский вожак так ревностно борется за претворение в жизнь гениальных указаний И. В. Сталина, что скорее является союзником "органов", чем потенциальным "врагом народа".

А теперь раскроем справочник "Кто есть кто в России и ближнем зарубежье" (М., 1993, с. 144—145) и вникнем в суть автобиографической справки Д. А. Волкогонова: "Родился 22 марта 1928 г. в станице Мангут Читинской области; отец расстрелян в годы репрессий, мать умерла в ссылке... Образование: Орловское танковое училище, Военно-политическая академия им. В. И. Ленина.... Трудовую деятельность начал как учитель семилетней школы (1946—1947гг.); с 1949 г. служил в Советской Армии на разных должностях; окончив академию, становится адъюнктом, преподавателем, заместителем начальника кафедры Военно-политической академии им. В. И. Ленина (1963—1971 гг.); с 1971 г. работает в Главном политическом управлении СА и ВМФ; начальник управления ГлавПУРа СА и ВМФ (1979—1984 гг.); заместитель начальника ГлавПУРа СА и ВМФ (1984—1988 гг.); начальник Института военной истории МО СССР (был снят по политическим мотивам) (1988—1991 гг.)... До лета 1991 г. возглавлял работу над десятитомным трудом "Великая Отечественная война советского народа", был отстранен по политическим соображениям; член КПСС с 1951 г. по 1991 г. Автор около тридцати книг на исторические и философские темы".

Нетрудно заметить, что и в 1993 году Дмитрий Антонович замалчивает факт пятилетнего пребывания в Ульяновске. Утаивает он и то, что до поступления в ВПА им. Ленина служил в 1949—1963 годах не на каких-то абстрактных "разных" должностях, а исключительно политработником. Ни одного дня в своей жизни Д. Волкогонов не работал ни командиром взвода, ни замполитом роты и, следовательно, совершенно не знает будничной и малозаметной работы по обучению и воспитанию личного состава.

Кстати, другие военачальники, фигурирующие в справочнике "Кто есть кто", не стесняются припоминать начало своей трудовой деятельности. Так, со слов генерал-полковника Б. Е. Пьянкова видно, что он "три года до армии работал на заводе токарем, два года служил в армии.., офицерскую службу начал командиром танкового взвода, затем роты". Министр обороны РФ генерал армии П. С. Грачев тоже начал офицерскую службу с должности командира разведывательного взвода.

Д. Волкогонов "забыл" сказать и о том, что он долгие годы был референтом начальника ГлавПУРа СА и ВМФ генерала армии

А. А. Епишева, который в 1951—1953 годах работал заместителем министра государственной безопасности СССР[1]. А ведь изъятие этого факта, имеющего прямое отношение к лирическому мифу с "пастьбой", обедняет биографию нашего летописца: кому не ясно, что деятель такого высочайшего ранга, как Епишев, и на порог своего кабинета не подпустил бы даже "остепененного" полковника Волкогонова, если бы не был абсолютно уверен в его безупречной политической благонадежности и беспредельной преданности руководству Партии и Правительства.

Наступит время и кто-то проанализирует оды, которые Дмитрий Антонович в поте лица сочинял по случаю какого-нибудь важного события или юбилея, скажем, 70-летия Л. И. Брежнева; или его записки с обоснованием необходимости ввода ограниченного контингента войск в Афганистан. Но одно несомненно: усердие Д. Волкогонова на олимпе идеологической нивы с лихвой вознаграждалось званиями, должностями, загранкомандировками, путевками в лучшие здравницы, квартирами, дачами и прочими благами.

Контр-адмирал Э.Ю. Зимин, вспоминая о феерической карьере Дмитрия Антоновича, писал: "А впервые молодого подполковника Волкогонова я увидел на одном из совещаний, куда прибыл с Северного флота. Мне его показали: вот, мол, восходящая звезда — референт А. А. Епишева, в недавнем прошлом преподаватель Военно-политической академии, уже доктор философских наук, профессор, и вот-вот будет генералом. Так оно вскоре и произошло. Многие мои товарищи по совместной работе, да и в ГлавПУРе удивлялись такому необыкновенному, стремительному, я бы сказал, блестящему взлету Волкогонова по служебной лестнице. Начальник отдела, заместитель начальника ГлавПУРа. Для офицеров, трудно десятилетиями поднимающихся по служебным ступенькам, это было невероятно. Никаких боевых и повседневных войсковых заслуг..."[2].

В карьере Волкогонова, как в зеркале, отразился порок "застойной" эпохи: вчерашний комсомольский функционер, совершенно не знающий реальной жизни Советских Вооруженных Сил, в течение 17 лет схоластически поучал командиров и политработников, как надо обучать и воспитывать личный состав, или, что значит жить, трудиться и учиться по-ленински. На деле же это оборачивалось тем, что, как писал генерал-майор В. И. Филатов в "Военно-историческом вестнике" (1991, № 2, с. 96): "Волкогонов, самый

---

[1] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. Кемерово, 1990, с. 346.

[2] Литературная Россия, 1990, № 22, 1 июня.

верный слуга престарелого Епишева", его руками "многие годы душил и громил все живое в армии и на флоте, на чем "делал свой бутерброд с маслом..."

Используя свое высокое положение, Дмитрий Антонович с 1972 года стал "пастись" в подчиненном ГлавПУРу "Воениздате": здесь его рукописи, посвященные коммунистической морали и нравственности, а также разоблачению агрессивной сущности империализма, охотно принимали. Но о литературном творчестве Д. Волкогонова предстоит еще особый разговор.

МЕТАМОРФОЗЫ Д. ВОЛКОГОНОВА

До своего шестидесятилетия генерал-полковник доктор философских наук профессор Д. А. Волкогонов выдавал себя за **философа**, а со следующего 1989 года, после выхода в свет политического портрета И. В. Сталина "Триумф и трагедия", он рекомендуется уже как "известный **историк**". Произошла метаморфоза и в составе его биографии. В мае 1990 года в известинской "Неделе" Волкогонов с гордостью заявлял: "Я уже написал два десятка книг". В биографической справке, помещенной в № 17 "Роман-газеты" за 1991 год, уже говорится о написании им "более 20-ти книг, свыше 400 научных и публицистических статей по актуальным вопросам политики, философии и истории". А в справочнике "Кто есть кто в России и ближнем зарубежье", вышедшем в 1993 году, утверждается, что Волкогонов — "автор около тридцати книг на исторические и философские темы".

Я еще в 1991 году пытался познакомиться со всеми трудами новомодного сановного коллеги, но смог выявить только 16 названий, из которых лишь 7 можно отнести к "книгам". Это: "Этика советского офицера" (1973 г.), "Воинская этика" (1976 г.), "Методология идейного воспитания" (1980 г.), "Маоизм — угроза войны" (1981 г.), "Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания" (1983 и 1984 гг.), "Оружие истины. Критика буржуазной идеологии и ревизионизма" (1987 г.) и "Советский солдат" (1987 г.). Все остальное наследие генерала-философа — это популярные брошюрки, выходившие в основном в Воениздате, издательствах ДОСААФ и "Знание": "Научно-технический прогресс и развитие личности" (1974 г.), "Моральные конфликты и способы их разрешения" (1976 г.), "На страже социалистического Отечества" (1978 г.), "Вооруженные силы в современном мире" (1984 г.), "Борьба идей и воспитание молодежи" (1983 г.) и др.

И по своему содержанию, и по форме они не превосходили уровень публикаций известных преподавателей Военно-политической академии им. В. И. Ленина — А. С. Миловидова, Б. М. Сапунова, Ю. И. Кораблева. Если в чем и превзошел Волкогонов этих своих наставников по академии, то — неуемной энергией по изданию своих творений. Характерный пример его изобретательности. В 1976 году в Воениздате вышло написанное им пособие для курсантов военных училищ "Воинская этика". Уже в следующем году, в более популярном виде, издательство ДОСААФ выпускает генеральские "Беседы о воинской этике". Наконец, в 1980-м в "Знании", тоже брошюрой в 64 страницы, выходит опять "Воинская этика". Спрашивается, можно ли эти работы (книга "Этика советского офицера" тоже тесно примыкает к ним) числить в библиографии одного автора как три "книги"?

Схожая картина просматривается и с серией "книг" о героях и героизме. В 1977 году "Знание" издало брошюру Волкогонова "О героях и героическом" (64 стр.). В том же году и в таком же точно объеме Воениздат выдает на горе его брошюру под названием "Школа героизма и мужества". Эта же тема преобладает в брошюрах "Доблести", вышедшей в "Молодой гвардии" в 1981 году и "Феномен героизма (О героях и героизме)", изданной в 1985-м в Политиздате, и, наконец, — в книге "Советский солдат" (Воениздат, 1987).

Значительное место в творчестве Волкогонова занимает пропаганда трудов классиков марксизма-ленинизма, решений съездов и пленумов ЦК КПСС. Помимо многочисленных статей в "Коммунисте Вооруженных Сил" и других ведомственных изданиях, этим проблемам посвящены брошюры "Идеологическая борьба и коммунистическое воспитание" (1977 г.), "Мировоззрение строителя коммунизма" (1987 г.), "Контрпропаганда: теория и практика" (1988 г.), "По заветам Ленина" (1988 г.).

Справедливость требует отметить, что всему сочиненному Дмитрием Антоновичем присуще завидная эрудиция и страстная убежденность в коммунистических идеях. Ныне былой ведущий армейский пропагандист по существу отрекся от своего литературного наследства и превратился в оголтелого антикоммуниста. Для того, чтобы представить метаморфозы этого ренегата, заглянем, хотя бы бегло, в его книги, благодаря которым он стал доктором наук, профессором, генерал-полковником и пр.

В брошюре "О героях и героическом" (1985 г.) он горячо убеждал читателей, что "самые великие герои в человеческой истории — вожди мирового пролетариата", что "зарница мысли классиков марксизма-ленинизма осветила действительные законы развития человеческого общества". А каким пафосом проникнуты строки

книги "Оружие истины" (1987 г.): "Подлинными прометеями разума стали классики научного социализма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Зарница их мысли открыла и высветила законы, по которым развивается общество, пути освобождения трудящихся от социальной несправедливости, предвосхитила социальные контуры грядущего".

А вот как Дмитрий Антонович, способствовавший в октябре 1993 года расправе с Верховным Советом Российской Федерации, вглядывался в глубь советской истории в 1987 году в своей книге "Оружие истины": "Вся наша жизнь, ее образ, строй, черты призваны утверждать великую истину: социализм делает максимум возможного во имя человека, его блага, идеалов, ценностей. То, что в нашей жизни мы считаем обычным, естественным, является, если вдуматься, неотразимым аргументом нашей исторической правоты, верности наших идей, силы марксистской истины. Каждый в обществе, от министра до рабочего, — товарищи; каждый реально может быть избран в советский парламент — Верховный Совет; каждый имеет гарантированное право на труд, отдых, образование, медицинское и социальное обеспечение, жилье, гражданские свободы. Каждый! По существу, эти неотразимые аргументы — главные устои нашей борьбы с идеологическими инсинуациями классового врага.

Да, мы знаем, — продолжал автор, занимавший должность заместителя начальника ГлавПУРа Советской Армии и Военно-Морского Флота, — что у нас есть упущения, ошибки, недостатки. Не секрет, что, как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, "на определенном этапе страна стала терять темпы движения, начали накапливаться застойные и другие чуждые социализму явления". Но, будучи твердо убежденным в превосходстве социализма над капитализмом, наш летописец жизнеутверждающе призывает читателей проникнуться концепцией ускорения социально-экономического развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, разработанной XXVII съездом КПСС: "Подобные планы, имеющие глубокую научную основу, не могут не поражать нашего воображения. Они, эти планы, дают нам прекрасные аргументы в борьбе с теми, кто не перестает твердить о "кризисе социализма"... Наши устремления в будущее, способность ускорить общественное развитие подтверждают великие преимущества социализма"[1].

И не было в Советских Вооруженных Силах более неистового борца с "классовыми врагами" и инакомыслящими, нежели Волкогонов. Недаром писатель-эмигрант В. Максимов до сих пор вспоминает, как в годы перестройки генерал-философ называл совет-

---

[1] Оружие истины. М., 1987, с. 107.

ских диссидентов "агентами ЦРУ", а Максимова — "уголовным преступником" и "лакеем империализма"[1]. Не менее уничижительной критике подвергались в книге "Психологическая война" и другие, всемирно известные диссиденты: "В буржуазных идеологических центрах на Западе стало модным, подхватив тезис какого-нибудь **отщепенца, внутреннего эмигранта А. Сахарова**, тут же делать глубокомысленные выводы, что это, дескать, прямое выражение взглядов "внутренней интеллектуальной оппозиции"... Организатором подобных диверсий, — по-прокурорски поучал Волкогонов, — стоило бы знать, что советская интеллигенция — плоть от плоти своего народа, живет его интересами, чаяниями и вносит огромный вклад в дело коммунистического строительства".

Подвергая разносу эмигрантские организации, контролируемые ЦРУ, наш летописец вновь бичует инакомыслящих: "Они стремятся вызвать диссидентство в социалистическом обществе, отвратительную разновидность социального ренегатства. В этих целях... назойливо муссируют имена **предателей Родины типа Солженицына,** Буковского, Плюща и им подобных. Для всех в Советском Союзе ясно, что эти люди никого не представляют, что это **моральный шлак, социальные отбросы общества**"[2].

Со временем, когда академик Сахаров станет одним из руководителей оппозиции в Верховном Совете СССР, а произведения Солженицына заполнят "Новый мир" и будут широко издаваться собраниями сочинений, корреспонденты столичной прессы припомнят Волкогонову ругань в адрес А. Сахарова, А. Солженицына, П. Григоренко и других диссидентов.

Генерал-философ, видимо, испугался судебного преследования и, выдавая себя за несмышленыша, признал в беседе с корреспондентом "Недели" в мае 1990 года, что "допустил в одной книге **едкое высказывание** по адресу А. Сахарова и А. Солженицина. **Всего две строки**. Глубоко это переживаю. Принес печатно извинения, но сам не успокоился. Не только мне, но и очень многим не было видно нравственное величие этих людей — в силу нашей идеологической зашоренности, слабой информированности"[3].

Читая эти неискренние и неуклюжие оправдания, невольно припоминаешь слова Ф. Ларошфуко: "Можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех". Ведь приведенные выше цитаты из книги "Психологическая война" ясно говорят, что там Дмитрий Антонович шельмовал академика и писателя не на "двух строчках",

---

[1] Советская Россия, 1993, 25 марта.

[2] Психологическая война. М., 1984, с. 138, 201.

[3] Неделя, 1990, № 26, с. 13.

а во много раз больше, и вряд ли они воспринимали слова "отщепенец" и "социальные отбросы общества" только как "едкое высказывание". Я не являюсь единомышленником А. Сахарова и А. Солженицына, но и оскорбления Волкогонова по адресу политических оппонентов не приемлю.

Уловку же генерал-философа оправдать былую ненависть к "внутренней интеллектуальной оппозиции" своей "идеологической зашоренностью и слабой информированностью" не могу воспринять иначе как фарисейство. Ведь никто иной, как Дмитрий Антонович в 1980-х годах возглавлял ту особую сферу идеологической деятельности ГлавПУРа, которая называлась **контрпропагандой,** или, говоря его словами, "конкретным духовным оружием борьбы с классовым врагом"[1]. Именно Волкогонов располагал при содействии КГБ и других компетентных органов исчерпывающей информацией о жизни и деятельности А. Сахарова и А. Солженицына.

Эту информацию генерал-философ использовал при разработке принципов, форм и методов борьбы с классовыми врагами и инакомыслящими, которые подробнейшим образом изложены в книге "Оружие истины". Для ведения "внутренней контрпропаганды", по мысли автора, очень важен принцип "упреждения", то есть, "формирование у всех советских людей коммунистического мировоззрения со школьных лет. Таким людям, — утверждал Дмитрий Антонович, — не опасны любые буржуазные шептуны у микрофона". Впрочем, для "обеспечения невосприимчивости к буржуазной пропаганде", необходимо принимать меры и для "ограждения населения, личного состава армии и флота от враждебных буржуазных влияний".

Нетрудно заметить, что последняя установка Волкогонова по своему характеру ничем не отличается от предписаний, которые рассылались по стране за подписью секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. В таком же наступательном и бескомпромисном духе автор книги "Оружие истины" в 1987 поучал, как вести и внешнеполитическую контрпропаганду": умелый показ "огромных преимуществ социализма", который "оказался способным устранить, искоренить тысячелетнее зло эксплуатации". При критике капитализма Волкогонов рекомендовал "убедительно доказывать", что он "не может существовать без эксплуатации — социального и экономического гнета миллионов трудящихся. Само обращение в мире капитала — "господин" — отражает господство одних и подневольность других... Миллионы безработных, бездомных, обездоленных, выброшенных на улицу обществом, фарисейски называющим себя "свободным" —

---

[1] Волкогонов Д. Оружие истины, с. 193.

позорный столб, от которого капитализму не оторваться... Вот такая цена буржуазных лозунгов о "равных возможностях"[1].

Да, по существу прав был Волкогонов, говоря и о преимуществах социалистического строя, и о пороках капитализма, и о коварности империалистической идеологической интервенции, и о необходимости проведения кропотливой работы по идейной закалке советских людей. Но сам-то он зачастую вел ее догматически-навязчиво и елейно-приторно. И если ведущий политрук теперь повернул свой идеологический курс на 180°, по ветру буржуазной "демократии", то вправе ли пенять на "нашу идеологическую зашоренность", если кто же, как не он сам, тогда ее и создавал? Вот уж поистине уникальный случай, когда "унтер-офицерская вдова" действительно "сама себя высекла".

Даже беглый обзор того, что страстно пропагандировал генерал-философ в разгар работы над книгой о Сталине, убедительно свидетельствует, что он являлся ярым приверженцем социализма, правофланговым борьбы с буржуазной идеологией, а затем и горячим сторонником горбачевской перестройки. Примечательно в этом отношении интервью Волкогонова, которое он дал в качестве делегата XIX партконференции КПСС, напечатанное в газете "Труд" 19 июня 1988 года: "Курс, который избран на апрельском Пленуме 1985 года, является жизненно необходимым... Центральными пунктами обновления, а если точнее, ленинского Возрождения... представляются два: во-первых, решительное экономическое оздоровление. Во-вторых, широкая демократизация".

С ортодоксальных большевистских позиций, несмотря на то, что так называемая "демократическая" печать уже яростно охаивала всю историю советского периода, создавалась и книга "Триумф и трагедия". "Не ленинизм "виноват" в феномене сталинизма, — горячо убеждал Дмитрий Антонович читателей в 1989 году со страниц журнала "Октябрь". — Это антипод, сумевший ловко закамуфлироваться в марксистские одежды. Об этом мне хотелось с полной определенностью сказать, ибо все чаще раздаются голоса, пытающиеся генезис сталинизма усмотреть чуть ли не в "Коммунистическом манифесте"... Глубоко убежден, что проживи Ленин еще хотя бы пять—десять лет, многое стало развиваться бы совершенно поиному. Это не абсолютизация роли личности, а тех сил, которые держали в умах и руках великую идею"[2]. Что верно, то верно.

Но идея—идеей, а Дмитрий Антонович никогда не забывал об устройстве личных дел. Весной 1988 года, когда появилась реальная перспектива увольнения в запас в связи со своим 60-летием и ухудшением состояния здоровья, он, используя высокое служебное

---

[1] Волкогонов Д. Оружие истины, с. 200.

[2] Октябрь, 1989, № 10, с. 121, 122.

положение, проводит переселение родителей жены из Инзы Ульяновской области в Москву. Нашел он время и для защиты в Академии общественных наук при ЦК КПСС диссертации "Сталинизм: сущность, генезис и эволюция" и, заполучив диплом доктора исторических наук, переходит из ГлавПУРа на должность начальника Института военной истории. В этом, весьма престижном "теплом местечке" можно было состоять на воинской службе до глубокой старости и продолжать пользоваться большими привилегиями (квартирами, дачами, загранкомандировками, элитными санаториями и пр.). А то обстоятельство, что сам-то он, новый начальник Института, был дилетантом в военной истории и, следовательно, не имел морального права руководить научно-исследовательской работой высокопрофессиональных историков, генерал-полковника вовсе не смущало.

Судя же по дальнейшему ходу событий, Дмитрий Антонович отдавал предпочтение не военной истории, а общественно-политической деятельности, которой он целиком и поглощен уже в 1989 году, во время борьбы за депутатский мандат в Верховный Совет СССР. Вступив в нее как коммунист, всецело разделявший решения XXVIII съезда КПСС, он проиграл выборы, ибо в моде стали партократы, которые успели напялить на себя "демократические" одежды и крикливо критиковали созданную ими же административно-командную систему.

Поражение на выборах для 62-летнего генерал-полковника со слабым здоровьем, но выслужившего военную пенсию, обеспечивающую в старости относительный достаток, — отнюдь не трагедия. Но тщеславного Дмитрия Антоновича беспокоило нечто другое. Если раньше столичные издательства ежегодно выдавали на гора его брошюры и книги о духовном богатстве и доблестях советских воинов, директивные трактаты о борьбе с буржуазной идеологией и ревизионизмом, то теперь их не возьмется тиражировать даже издательство "Знание". Не спасал пошатнувшееся положение дважды доктора наук и сочиненный им обличительный политический портрет Сталина, так как в нем по-прежнему утверждалось, что суд над Иосифом Виссарионовичем "кощунственно превращать в суд над Лениным, как это порой пытаются ныне делать, ибо он не ответственен перед нами за дело, которое могло быть выполнено несколькими поколениями"[1].

И в какой-то момент глубоких раздумий на Дмитрия Антоновича снизошло озарение: можно не только остаться на плаву, но даже укрепить свои позиции на политическом Олимпе, стоит только переметнуться в стан "демократов". Для начала он внес такие новые

---

[1] Октябрь, 1989, № 10, с. 122.

штрихи в свою биографию, как расстрел отца в конце 1930-х годов и собственное освобождение с поста заместителя начальника ГлавПУРа чуть ли не по политическим мотивам. Одновременно Волкогонов подключился к атакам межрегиональной депутатской группы на горбачевскую перестройку, к требованиям от союзных "верхов" "конкретных достижений, которые почувствовал бы народ"[1].

С явно популистской программой включился он в предвыборную борьбу за место в Верховном Совете РСФСР по Оренбургскому территориально-национальному округу и, при поддержке "демократов", заполучил-таки депутатский мандат, а потом и пост заместителя председателя Совета национальностей российского парламента. Однако перспектива постоянно восседать в президиуме и повседневно заниматься конкретным делом не очень-то устраивала Дмитрия Антоновича и он, считая себя уже "художником" пера, покинул почетное кресло, заделавшись одним из лидеров "Левого центра". В новом качестве он усилил нападки на М. Горбачева, в огород которого камешки уже не бросал только ленивый: у Президента СССР нет, мол, новых идей, да и к рынку он должен был повести страну еще года два—три назад и т. п. Не представляли новизны и его требования о необходимости преобразования КПСС в партию социал-демократического толка и коренной реорганизации политорганов в Вооруженных Силах.

Между делом Дмитрий Антонович по очень смешной цене приватизировал прекрасную государственную дачу в престижном пригороде столицы, подписывал контракты на издание за рубежом книги о Сталине. Эти дела, естественно, тоже были замечены вездесущими журналистами. Один из них писал в "Советской России" 5 июня 1991 года: "Замечательно, что один из лидеров "Левого центра" — историк, писатель, публицист (а теперь и советник председателя по вопросам обороны и безопасности) Д. А. Волкогонов издает свою книгу в Великобритании, но... почему на ее презентацию с 28 февраля по 6 марта он должен был отправиться в страну туманного Альбиона за государственный счет?". В этой же стране Дмитрий Антонович предпочел сделать себе операцию по удалению опухоли.

Депутатские дела не только не мешали генерал-философу-историку заниматься литературным творчеством, а, наоборот, придали ему второе дыхание: весной 1990 года он, не завершив еще книги о Л. Д. Троцком, заявляет о своем желании "взяться за книгу о Ленине". И, словно многоопытный предприниматель, во время выступления в Ленинградском концертном зале интригующе пояснил, почему именно о Владимире Ильиче: "До сих пор у нас не было о нем честной книги".

---

[1] Неделя, 1990, № 26, май, с. 13.

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

Когда зимой 1991 года в печати появилось сообщение, что Д. Волкогонов принялся за книгу о Ленине, ибо, мол, до сих пор о нем не было "честной книги", я тогда же расценил это заявление как недостойное для доктора философских наук. Ведь у новоявленного историка, именующего себя и философом, и художником-портретистом, не имелось никаких оснований для столь уничижительной оценки произведений о Ленине, принадлежавших перу Н. Крупской, А. Луначарского, М. Горького, В. Маяковского, Э. Казакевича, Б. Полевого, Е. Драбкиной, В. Чикина, Б. Яковлева и многих других публицистов, писателей и ученых.

Написать хорошую и честную книгу о Владимире Ильиче не так-то просто, как представляется дилетанту. Вспомним, как М. Шагинян в 1930-х годах корпела в музеях, архивах и библиотеках Астрахани, Пензы, Нижнего Новгорода, Казани, Ульяновска, Москвы и Ленинграда, собирая исторические бисеринки для повествования о детских и юношеских годах Владимира Ульянова. Завершить же задуманное так и не смогла за 40 лет: в романах-хрониках талантливого мастера главный герой еще не дорос до сдачи вступительных экзаменов в первый класс симбирской классической гимназии.

Я тоже четыре с лишним десятилетия занимался изучением жизни Ульяновых в Поволжье, детских и школьных лет Владимира Ильича, его учебы в Казанском университете, участия в запрещенных студенческих землячествах, сходке-демонстрации 4 декабря 1887 года, годичной ссылки в Кокушкине, а также жизни и деятельности в 1889—1893 годах в Самаре. Насколько серьезно относился я к исследовательской работе (проводившейся в свободное от армейской службы время), можно судить по тому, что для того, чтобы представить себе симбирскую действительность 1870—1880-х годов, которая стала одним из истоков формирования общественно-политических взглядов Александра и Владимира Ульяновых, я написал и в 1967 году защитил в Казанском госуниверситете кандидатскую диссертацию "Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70—80-х годах XIX века".

На основаниях тысяч архивных и иных документов я отлично представляю деятельность правительственных, земских, дворянских и духовных учреждений, жизнь всех сословий, грабительский характер освобождения крестьян от крепостного права, все перипетии борьбы бывших холопов против остатков крепостничества, деятельности народников и народовольцев в симбирском крае, а также нелегальных кружков в классической гимназии, чувашской

школе и многое другое. Само собой разумеется, что в мельчайших подробностях знаю и о том, как протекала в Симбирске просветительская деятельность Ильи Николаевича, что за люди составляли круг его друзей и знакомых, какие события волновали симбирян в годы революционной ситуации 1879—1881 годов, как протекала учеба ребят в классической гимназии, а девочек в мариинской, каковы были бытовые условия жизни Ульяновых, их литературные запросы и тысячи других деталей, без скрупулезного знания которых честный человек не возьмется писать о замечательной семье Ульяновых. Довольно неплохо изучена мною жизнь Ульяновых в Астрахани, Пензе, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре и Петербурге.

Говорю об этом не для того, чтобы поднять цену своим книгам о Владимире Ильиче и его родных — о них имеется немало отзывов критиков и читателей в местной и центральной печати. Одно категорически подтверждаю: ни от одной строки в своих книгах не отказываюсь и готов их переиздать без всяких изменений.

63-летний Волкогонов, напротив, отрекся от всех книг, в которых он до 1988 года славил Ленина, КПСС, Советскую Армию и клеймил агрессивную сущность американского империализма, НАТО, ревизионистов всех мастей, диссидентов и т. п., и надумал в пожарном порядке сочинить книгу о Ленине за пару лет. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что в столь скоропалительный срок невозможно не только поработать в архивах, музеях и библиотеках тех мест, где протекала жизнь и деятельность величайшего революционера современности и его родных, соратников и противников, но познакомиться даже с основными исследованиями историков и краеведов.

Выход у портретиста был один: на основании биографий Ленина и воспоминаний о нем, печатавшихся за рубежом и поэтому малознакомых советскому читателю, сочинить серию тематических статей и очерков и смонтировать их в определенной последовательности, а интерес к этой поделке обеспечить за счет новых архивных документов, с помощью которых и сварганить образ главного виновника всех бед, постигших Россию в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Почти два года, используя свое служебное положение, Волкогонов твердил в печати и по телевидению о том, что он откопал в "секретных фондах" 3724 документа, которые можно издать в 6—7 томах под названием "Неизветный Ленин", и они-то, мол, и станут основой его "политического портрета" Ленина. При этом бывший заместитель начальника Главного политуправления СА и ВМФ изображал себя чуть ли не жертвой обмана со стороны КПСС, которая "держала в заточении 3724 ленинских документа".

Откровенно (и справедливо) иронизируя над байками тех, кто подобно Волкогонову мямлил, что не знал "всей правды о Ленине, о большевиках" потому, что ее якобы прятали в архивах, обозреватель "Известий" Отто Лацис писал 3 марта 1993 года: "Многие после этого цитируют "только что открывшуюся" правду прямо по полному собранию сочинений. Между тем, — продолжал Лацис, — если не считать подробностей, не меняющих общей картины, за время гласности мы не узнали о Ленине ничего такого, чего нельзя было узнать раньше в библиотеке средней руки. Есть новые (впрочем, не очень ясные) идеологические установки государства, новое освещение известных фактов, но почти нет новых фактов".

Я уже в общих чертах анализировал широко рекламировавшиеся Волкогоновым 3724 документа (Ульяновская правда, 1994, 26 января) и показал, что их основу составляют листовки и письма искровского периода, на которых имеются пометы Ленина, его выписки из газет, журналов и книг, переводы Владимира Ильича трудов К. Каутского, К. Бюхнера и других немецких авторов, а также прошения к властям, открытки к родным, телеграммы и предписания советского периода, около 30 писем к Л. Б. Каменеву за 1911—1913 годы, несколько писем к И. Арманд.

Эти документы и материалы представляют интерес для специалистов, исследующих какую-нибудь специальную сторону деятельности вождя партии и главы Совнаркома. Я, скажем, при работе над книгой "Самарские университеты" не мог не обратиться в ЦПА ИМЛ, где хранилась июньская книжка "Русской мысли" за 1892 год с пометами Владимира Ильича на статье Н. К. Михайловского из цикла "Литература и жизнь". Ознокомление с этим номером журнала позволило мне зримее представить отношение Владимира Ильича к творчеству крупнейшего публициста России.

Если бы эта статья Н. К. Михайловского с ленинскими подчеркиваниями и пометами появилась в очередном (№ 40) "Ленинском сборнике", то эта публикация привлекла бы внимание многих историков, литературоведов, философов и была бы для них новостью. Но громадная часть из "3724" неизвестных документов — это листовки, газеты, журналы, книги, выписки из них, которые вряд ли заслужили публикации в качестве "новых ленинских документов". Наш портретист это отлично понимает, но из корыстных побуждений многократно будирует этот вопрос только для того, чтобы вещать о каком-то "неизвестном" Ленине.

Подогревая нездоровый интерес к своему будущему опусу, Волкогонов не гнушался использовать заведомо лживые материалы. Так со сцены Ленинградского концертного зала он заявил: "Ленин причастен к террору... Я даже знаю один документ, где он приказывает докладывать ему еженедельно, сколько расстреляно попов".

Разоблачая этот чудовищный навет, я писал: "Допустим невероятное: председатель Советского правительства отдал подобный приказ. Тогда бы Д. Волкогонову, не говоря уже о настоящих лениноведах, были бы известны и требуемые Лениным еженедельные доклады с мест о расстрелах попов. Но таких документов в архивах нет. Как не было и еженедельных расстрелов. Это наш генерал пустил на волю очередную антиленинскую "утку" (Ульяновская правда, 1992, 22 апреля).

Явно на потребу низменным чувствам обывателей рассчитаны были и такие лживые заявления Волкогонова о Владимире Ильиче: "Друзей у него никогда не было... Любил он в своей жизни, пожалуй, двух человек: свою мать и Инессу Арманд. Крупская же была для него просто удобна"[1]. Или — реанимация портретистом давным-давно разоблаченных фальшивок об обстоятельствах возвращения Ленина из эмиграции в "пломбированном вагоне" через Германию в Россию весной 1917 года, о рейхсмарках, которые якобы кайзеровское правительство давало большевикам в 1917 году. Не отказал он себе в удовольствии и позубоскалить относительно адвокатской практики Владимира Ильича в Самаре, по поводу его мизерного трудового стажа и вместе с тем безбедного существования, которое он, мол, вел за границей. Не имея никаких оснований, Волкогонов ратует за пересмотр дела о покушении 30 августа 1918 года Ф. Каплан на жизнь Ленина. Апофеозом же падения "ленинской крепости" в душе былого ведущего политрука Советских Вооруженных Сил стало его заявление о том, что "ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался".

В начале июня 1994 года, с пахнувшим еще типографской краской двухтомником "Ленин" в руках самодовольный Волкогонов появился на экране телевизора в передаче "Час пик" и стал снова обливать грязью личность Владимира Ильича. Все это действо было так неубедительно, что обозреватель "Труда" сдержанно, но недвусмысленно неодобрительно отнесся к извергаемому генералом потоку безосновательных обвинений в адрес Ленина: "О вожде мирового пролетариата было сказано, что он был грешником и не любил Россию, что еще до Крупской сватался к другой женщине, но был отвергнут. Что, проработав юристом около двух лет, не выиграл ни одного дела. Для знающих, что гость В. Листьева, в отличие от других историков, допущен к тем архивам, которые до сих пор заперты на семь замков, такие "открытия" кажутся весьма поверхностными, более похожими на имеющие хождение анекдоты, нежели на серьезные изыскания"[2].

---

[1] Аргументы и факты, 1991, № 41, октябрь.

[2] Ульяновская правда, 1994, 19 июля.

Безрадостное впечатление на корреспондента "Комсомольской правды" А. Монахова произвела и презентация книги "Ленин" в издательстве "Новости", на которой Волкогонов вновь темнил, что сам был "правоверным ленинцем, но знакомство с архивами пролило новый свет на облик вождя" и т. д. "Кроме того выяснилось, — с неприкрытой иронией писал автор "Комсомолки", — что Ленин всю жизнь был тунеядцем и жил на чужие деньги, никогда не любил русских (Волкогонов постоянно цитирует его фразу: "Русские — дураки", как будто она что-нибудь доказывает), личная жизнь Владимира Ильича до Инессы Арманд была однообразна и скучна, единственный человек, кто до конца отстаивал свою точку зрения в спорах с Лениным, была его теща, мать Крупской.

Беглое знакомство с текстом слов Волкогонова показало, что основная идея автора такова: Ленин не был ни гением, ни богом. И если второе относится целиком к области теологической и какому-либо научному опровержению не поддается, — с сарказмом продолжал А. Монахов, — то первая посылка ("Ленин не был гением") принадлежит области филологической. Проблема заключается всего лишь в выборе правильного эпитета, который (выбор) целиком зависит от личных симпатий говорящего. Из ряда "гениальный, великий, крупнейший революционер XIX века" Волкогонов выбирает последнее определение и доказывает верность своего предпочтения на протяжении двух томов.

Тенденциозность произведения наглядно проявляет себя в художественном оформлении. Первый том украшен традиционной для ленинских многих лет фотографией мудрого вождя, благодетеля народов. На обложке второго тома — изображение полубезумного революционера незадолго до смерти. Видимо, такой была эволюция взглядов Волкогонова по отношению в объекту описания"[1].

Резко отрицательную оценку волкогоновскому "Ленину" дал публицист Леон Оников 20 августа 1994 года в "Правде", опубликовавший свою рецензию под заголовком: "Когда лают на слона, он кажется более великим". Общий вывод публициста о двухтомнике однозначен: "несмотря на шумный анонс, гора, как говорится, родила мышь. К тому же очень серую и опасную. Тем, прежде всего, что Волкогонов фактически ставит знак тождества между Лениным и Сталиным, а значит, и сталинщиной".

Что касается первоисточников, которыми так кичился генерал, то даже арифметически доказывается "бесчестность Волкогонова, а его угроза низвергнуть Ленина какими-то замурованными, неведомыми доселе документами, рассчитана на простачков. Возьмем

---

[1] Комсомольская правда, 1994, 25 июня.

главы, — продолжал Оников, — относящиеся непосредственно к Ленину, его деятельность "периода революции и гражданской войны". В них содержится аж 520 ссылок на источники. Из них архивных, неопубликованных — 152, а давно опубликованных, известных — 368. Теперь посмотрим, что представляют собой "неопубликованные". Записка Андропова в ЦК от 1975 года о сносе дома Ипатьева в Свердловске (причем тут Ленин?). Доклад Берия Сталину (1949 г.) о высылке из Закавказья "всяких турков" в Сибирь. И бытовые детали о ремонте квартиры Ленина, частота его пульса после ранения и подобные же банальности... Таким образом, новые документы, которые... вынесены на свет Волкогоновым, получившим доступ к ним на правах придворного летописца, ничего принципиально нового к облику Ленина не добавляют".

Осуждая "откровенно злобную тональность" всей книги Волкогонова, позор его трактовки "кровей" Владимира Ильича с материнской стороны, безнравственность назойливого повторения того, что Ленин "русских обзывал дураками, лентяями" (как будто нельзя найти подобных высказываний у Салтыкова-Щедрина, Радищева, Горького, Шаляпина, Бунина и других патриотов России), Л. Оников в заключении пишет, адресуясь к генерал-философу: "Обнаженная безнравственность автора книги "Ленин" видна из того, что, прикидываясь верующим, на деле он поступает как антихрист. Христианин не может так поступать. Волкогонов публикует в книге страшный снимок Ленина -- обезумевшего от неизлечимой болезни человека. Христос исцелял больных, слепых делал зрячими, избавлял от проказы, падучей, бесноватости, взывал к состраданию. А вы? Выносите на публичный показ смертельно больного человека. Позорище! Как может нормальный человек глумиться и наслаждаться чужим страданием?".

К этому справедливому негодованию надо добавить, что "страшный снимок" больного Ильича был сделан Марией Ильиничной только для себя и самых близких и никогда не предназначался для обнародования. Волкогонов поступил низко, похитив и опубликовав глубоко интимное из личного архива Ульяновых.

Я солидарен с критикой Л. Ониковым волкогоновского тезиса о том, что Владимир Ильич будто был "человеком антигуманного склада", сторонником массового применения насилия против врагов Советского государства, и другими положениями его рецензии в "Правде". Тем не менее она носит обобщающий характер. Но опус Волкогонова так густо усеян ошибками, измышлениями и клеветой, что необходим разбор каждой его главы. И на поверку выясняется, что на рынок выброшена самая лживая книга о Ленине. Особое внимание мною будет уделено первой части, которая имеет прямое отношение к симбирскому периоду жизни Ульяновых.

НЕ ЗНАЯ БРОДУ, НЕ СУЙСЯ В ВОДУ

Первая глава двухтомника "Ленин" Д. Волкогонова разбита автором на шесть частей, первая из которых названа "Семейной генеалогией" и начинается она краткой характеристикой Симбирска — "глубоко провинциального городка", ставшего "колыбелью будущего отца русской революции и основателя первого в мире социалистического государства". Насколько примитивно делает это дважды доктор наук, видно из первой же фразы: "Губернские ведомости" Симбирска в конце прошлого века (когда именно? — Ж. Т.) сообщали, что в 1897 году в городе насчитывалось сорок три тысячи жителей, в том числе 8,8 процента — дворяне, 0,8 процента духовенство, 3,2 процента купцы и почетные граждане, мещане — 57,5 процента (с. 40).

Спрашивается, зачем "пудрит мозги" читателям автор, сообщая эти, никому ненужные цифры? Ведь Владимир Ульянов родился в 1870 году и данные о Симбирске надо было приводить за этот, а не 1897 год, когда он находился в далекой сибирской ссылке. Сведения за 1870 год содержатся в книге "Великое начало" Ж. Трофимова (М., 1990).

Надуманным является и утверждение Волкогонова о том, что после основания (1648 г.) Симбирск "скоро превратился в типичный тихий провинциальный российский городок", и в этом, мол, "**крохотном** городке" жизнь текла "спокойно, неторопливо, без потрясающих новостей" (с. 41). Во-первых, Владимир Ульянов родился не в каком-то мифическом "крохотном городке", а в губернском городе, который по уровню социально-экономического и культурного развития превосходил многие другие губернские центры России 1870-х годов. Во-вторых, Симбирск не мог стоять в стороне от жизни страны и в своей истории испытал немало политических потрясений, в том числе наступления отрядов С. Разина и Е. Пугачева, переживал и все последующие события вместе со всей Россией. Что касается "новостей", то во времена жизни в Симбирске Владимира Ульянова они поступали из столиц по телеграфу, и семья Ульяновых узнала, например, об убийстве народовольцами Александра II 1 марта 1881 года уже через несколько часов после этого события[1].

Процитировав из I тома "Биографической хроники В. И. Ленина" строки о появлении на свет вождя и сведения о его родителях, Волкогонов замечает: "Вот и все. Остальные сведения о семье нужно

---

[1] Трофимов Ж. Великое начало. М., Молодая гвардия, 1990, с. 46.

по крупицам собирать в двенадцати томах..." Только профаны могут рассматривать "Биохронику" главным источником знаний о семье Ульяновых. Надо ли удивляться тому, что генерал-философ, цитируя из "Биохроники" сведения о том, что Ульяновы в 1870 году проживали "во флигеле дома Прибыловской на Стрелецкой улице (ныне ул. Ульянова, д. 17а)", сам-то не представлял, что и в этом случае опростоволосился: на месте "ул. Ульянова" с 1970 года находятся Ленинский мемориал и площадь Столетия со дня рождения Ленина. Совершенно не представляет Волкогонов и облик отчего дома Володи Ульянова и вместо него на 96-й странице приводит фотоснимок несуществующего в Ульяновске здания.

На несведущего читателя рассчитано заявление сановного автора, что к 1970 году на родине Ильича "снесли все!". Надо быть слепым (а Волкогонов бывал здесь в 1980-х годах), чтобы в историческом центре города не заметить такие старинные здания, как бывшие Дома дворянского собрания с находившейся в нем Карамзинской общественной библиотеки, классической и мариинской гимназий, кадетского корпуса, театра, присутственных мест, городской управы, краеведческого музея, дома Языковых, Гончаровых, Минаева, земских управ, чувашской школы И. Я. Яковлева. А Московская (Ленина) и Покровская (Л. Толстого) улицы выглядят сейчас во многом так, как и столетие назад.

Волкогонов слышал звон, что в советское время многие улицы города были переименованы, но Солдатскую нельзя включать в их число, ибо она стала носить имя Минаева еще до Октября 1917 года! Не дано ему знать и то, что снимок, который в книге озаглавлен: "Симбирск — родной город В. И. Ленина. Конец XIX века", на самом деле относится к 1860-м годам.

Продемонстрировав незнание истории города, в котором сам тоже прожил пять лет, Волкогонов взялся за изложение "своего видения генеалогии семьи Ульяновых" и в первой же фразе сделал трудно объяснимый ляпсус. В самом деле, допустим, что Дмитрий Антонович не знаком с литературой о семье Ульяновых. Но неужели у него такая слабая память, что ничего не запомнил из того, что видел и слышал в июле 1988 года в пензенском музее И. Н. Ульянова? Ведь тогда в качестве именитого столичного гостя генерал в книге посетителей записал: "Нельзя без волнения прикасаться ко всему, что связано с гением Ленина. Любое посещение такого музея очищает, делает каждого из нас чище и умнее"[1]. Но, видимо, слова эти шли не от чистого сердца и "умнее" автор не стал: ведь экскурсовод музея четко говорил ему, что И. Н. Ульянов и М. А. Бланк

---

[1] Ульяновская правда, 1994, 8 сентября.

познакомились в Пензе, но свадьба их состоялась, когда Илья Николаевич уже служил в нижегородской гимназии, причем, в доме отца невесты, в Кокушкине Казанской губернии! Тем не менее Волкогонов пишет на стр. 43 своей книги о Ленине: "Отец Владимира Ульянова Илья Николаевич женился на Марии Александровне Бланк в 1863 году в Пензе..."

"В официальных биографиях Ленина почти ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении", — с глубокомысленным видом продолжает наш портретист. А в "неофициальных", скажем, книгах "О В. И. Ленине и семье Ульяновых" А. И. Ульяновой-Елизаровой (М., Политиздат, 1988) или "Илья Николаевич Ульянов" Ж. Трофимова (в соавторстве), вышедшей в 1981 году в издательстве "Молодая гвардия" о родителях Владимира Ильича говорится подробнейшим образом. В воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой, романе "Семья Ульяновых" М. Шагинян, а также исследовательских работах "Ленин в Стокгольме" У. Виллерса (Стокгольм, 1970), "Генеалогия рода Ульяновых" М. Штейна (Литератор. Л., 1990, № 43), "Бланк особого учета, или еврейские предки Ленина" Г. Дейча (Час пик. Л., 1991, 22 июля) сравнительно полно освещены все три ветви генеалогии материнской линии — еврейская, немецкая и шведская, но Волкогонов, всячески стараясь выдать себя за первооткрывателя каких-то секретов, пишет в своей книге об известном, как о сенсационном.

Более того, он опять что-то искажает, а что-то путает. А. Д. Бланк у него женится на Анне **Гросскопф,** тогда как его избранница носила фамилию **"Гросшопф"**. В Смоленской губернии Александр Дмитриевич служил врачом не в **"г. Дзречье"**, а в **г. Поречье**, на Урале он занимал пост не "инспектора госпиталей Государственного оружейного завода", а заведующего госпиталем Юговского завода. Вопреки писаниям Н. Валентинова, которого Волкогонов частенько пересказывает (забывая иногда упомянуть источник), А. Д. Бланк не дослужился до "статского советника" и умер надворным советником[1]. И написал дед Ленина труд не "о том, что "вода внутрь и вода снаружи", а "Чем живешь, тем лечись".

О том, как генерал-философ извращает широко известные документы и воспоминания родных об А. Д. Бланке, можно представить по созданной им картинке из жизни в Кокушкине: "Отставной полицейский врач заставлял своих плачущих дочерей укутываться на ночь **мокрыми** простынями. Подрастая, дети спешили выйти замуж, дабы скорее освободиться от папенькиных навязчивых экспериментов" (с. 46).

---

[1] См. Казанские губернские ведомости, 1865, 25 июня.

Во-первых, Александр Дмитриевич не был отставным "полицейским" врачом. Во-вторых, водолечением Бланк занимался на столь высоком научном уровне, что в 1850-х годах в его кокушкинской усадьбе проходили курс лечения чиновники, офицеры и даже профессора Казанского университета. И уж только Волкогонов додумался до того, что высокообразованный отец-врач якобы заставлял своих детей спать под "мокрыми" простынями... Беззастенчиво лжет он, утверждая, что "дети" Александра Дмитриевича "спешили выйти замуж" дабы избавиться от его "экспериментов": мать Ленина вышла замуж за Илью Николаевича в июле 1863 года, когда ей шел 29-й год, и это было очень и очень запоздалое замужество.

Надуманными являются упреки Волкогонова в адрес составителей "Биохроники" В. И. Ленина за то, что там не отражены "дворянские корни" по материнской линии. "Сохранилась, однако, — обличающе пишет наш портретист, — подпись самого Владимира Ильича, сделанная в апреле 1891 года о внесении Марии Александровны Ульяновой в дворянскую губернскую родословную книгу[8]. После ссылки Ленин, обращаясь в департамент полиции о разрешении его жене Н. К. Крупской отбывать оставшийся срок в Пскове, подписывался "потомственный дворянин Владимир Ульянов[9]" (с. 46). В действительности же, М. А. Бланк, выйдя в 1863 году замуж за учителя И. Н. Ульянова, потеряла права на дворянство. В 1865 году Илья Николаевич после 10-летней службы в средних учебных заведениях МНП был награжден орденом св. Анны 3-й степени и одновременно приобрел **личное** дворянство, этим же правом стала обладать и его жена. В 1879 году с получением чина действительного статского советника, И. Н. Ульянов получил права **потомственного** дворянства, но он так и умер, не оформив эту привилегию ни себе лично, ни супруге, ни детям... И только 17 июня 1886 года Мария Александровна с младшими детьми была внесена в 3-ю часть родословной книги симбирского дворянства[1]. Поэтому подпись Владимира Ильича в 1891 году свидетельствует лишь о том, что его мать и он сам являются потомственными дворянами. И для подтверждения этого факта Волкогонову не следовало делать сноски "8" и "9" на фонды бывшего ЦПА ИМЛ (РЦХИДНИ): в собраниях сочинений Ленина давно обнародованы документы, которые он подписывал как дворянин. Зачем дважды доктору наук ломиться в открытую дверь?

Продолжая изложения своего "видения" ленинской генеалогии, автор оспаривает указания "Биохроники", что дед Владимира Ильича

---

[1] Поливанов В. Н. Материалы к истории симбирского дворянства. С.-к. 1900, с. 43.

по отцу был "крепостным крестьянином": он полагает, что таковым был прадед — Василий Никитич Ульянинов (Ульянин, Ульянов). "Почти всю жизнь дед В. Ульянова Николай Васильевич, — продолжает с глубокомысленным видом Волкогонов, — прожил одиноко, и лишь когда ему перевалило за пятьдесят и у него скопилось немного деньжат, он женился на дочери крещеного калмыка Анне Алексеевне Смирновой..."

Если бы наш портретист читал исследования астраханских и горьковских историков 1960-х годов, а также книгу "Ульяновы в Астрахани" А. Маркова издания 1970 года, то сам-то бы понял истоки родословной Ульяновых и не морочил бы голову читателям в 1994 году. А правда состоит в том, что дед Ленина до 1800 года был крепостным помещика Брехова. А женился он гораздо раньше, чем это уверяет автор, и в 1812 году, когда ему было 43 года, имел уже сына Александра[1]. Жена Н. В. Ульянова, действительно, была урожденной Смирновой, но никто не вправе называть Анну Алексеевну "дочерью крещеного **калмыка**". Такого документа Волкогонов нигде не видел и его утверждения, что "В. И. Ленин во внешнем облике унаследовал в значительной степени калмыцкий... тип лица от своей бабушки-калмычки", — это очередная "утка" претендента на звание академика...

Оставляя на его совести пересказ о старшем брате И. Н. Ульянова Василии Николаевиче без упоминания источника — романа "Семья Ульяновых" М. Шагинян, название которого Волкогонов переиначил в "Семейство Ульяновых", отмечу лишь очередную выдумку Дмитрия Антоновича, которую охотно подхватили другие хулители Ленина. Я имею в виду заявление, что будто бы Василий Николаевич "незадолго до своей смерти (есть, правда, лишь косвенные свидетельства) выслал денежную часть своего состояния младшему брату" (с. 48).

Правда же состоит в том, что Василий Николаевич, работая соляным объездчиком у рыбопромышленников Сапожниковых, получал в год всего лишь 57 рублей серебром, на которые, не имея собственной семьи, содержал престарелую мать, тетку и младших брата и сестер[2]. Так что рассуждения Волкогонова о каком-то наследстве В. Н. Ульянова не стоят и выеденного яйца.

Но генерал маниакально вкручивает в оборот сомнительные сведения. Так, ссылаясь на швейцарского историка Л. Хааза, он пишет, что "Гросскопфы" были богатыми буржуа из Северной Германии. Но, повторяю, члены немецкой ветви предков В. Улья-

---

[1] Марков А. Ульяновы в Астрахани, с. 11, 24.

[2] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М., 1926, с. 3—4.

нова носили фамилию "Гросшопф" и, начиная с петровских времен, служили России в кронштадской таможне. "А шведская ветвь, — продолжает фантазировать наш портретист на с. 52, — идет от богатого ювелира К. Ф. Эстедта, жившего в Упсале". Из документов, приведенных в книге "Ленин в Стокгольме" У. Виллерса, ясно видно, что основатели этой ветви в XVIII веке занимались в Упсале изготовлением перчаток и шляп...

Не зная истории по существу, Волкогонов тем не менее берет на себя смелость (и наглость) делать такие обобщения: "В общих чертах Ленин знал о своем происхождении. Будучи по культуре, языку русским человеком, он никогда не относился к России, своему отечеству как высшей ценности. Но, естественно, как нам удалось установить (?!), вождь русской революции никогда себя не чувствовал ни немцем, ни шведом, ни евреем, ни калмыком. И хотя в анкетах Ленин называл себя русским, его мироощущение было интернационально-космополитическим. Для него революция, власть, партия были неизмеримо дороже России" (с. 52). Жаль, что дважды доктор наук не раскрыл тайны, как это ему "удалось установить", кем чувствовал себя Владимир Ильич в национальном отношении и что знал "в общих чертах о своем происхождении". Тогда бы его способности к фальсификации и мистификации засверкали бы новыми гранями...

Стремясь принизить духовную атмосферу семьи, в которой родился и вырос Владимир Ильич, Волкогонов облыжно утверждает (с. 53), что Ульяновы вели "в основном тот же образ жизни, что и большинство служивых людей, чиновничество, мещане..." Но даже в некрологах 1886 года отмечалось, что И. Н. Ульянов, благодаря своей просветительской деятельности, был "известен всей России". И это служение благородной цели наложило соответствующий отпечаток на образ жизни всего его семейства, который был пронизан трудолюбием, целеустремленностью, высокой нравственностью, воодушевленностью передовыми идеями своего времени, патриотизмом, личной скромностью. Не было в Симбирске другой семьи, в которой четверо детей при окончании гимназии получили три золотые и одну большую серебряную медаль. Пожалуй, только Александр Ульянов оборудовал у себя дома химическую лабораторию. А из выпускников 1887 года, по просьбе И. Я. Яковлева, именно Владимир Ульянов взялся подготовить (и подготовил!) учителя-чуваша к экзаменам за курс гимназии. Надо не представлять себе и масштаб и круг чтения в этой семье, чтобы так, походя, посчитать ее средней, типичной...

В заключение приведу еще один пример характерных для Волкогонова верхоглядства и научной недобросовестности. Перечисляя

5 328

состав семьи Ульяновых, он особо остановился на дочери "Ольге (1868 г.)". "Родителям очень хотелось иметь дочь Ольгу, — с видом знатока вещает портретист. — Когда первая Ольга умерла при рождении, через три года родившейся девочке дали вновь это имя" (с. 53). Если бы Волкогонов повнимательнее заимствовал из очерка "Неизвестные письма" в книге "Ульяновы" Ж. Трофимова (Саратов, 1978, с. 80) сведения об этих девочках, то запомнил бы, что "первая Ольга" родилась в июле 1868 года, а скончалась в июле следующего, то есть в годовалом возрасте, а не "при рождении".

Вот так — многократно демонстрируя свое незнание истории России вообще и Симбирска 1870—1880-х годов, в частности, безбожно извращая картины жизни семьи Ульяновых, запутавшись в пересказе чужих трудов о родословной Владимира Ильича и его социальном происхождении, запуская "утки" о мифическом наследстве старшего брата Ильи Николаевича, нагло приписывая Ленину отсутствие чувства любви к своему Отечеству, при этом назойливо подчеркивая якобы сенсационный характер своего опуса, — и показал свое примитивно-тенденциозное "видение" "Семейной генеалогии" Ленина новоявленный историк.

ИЗВРАЩАЯ НАЧАЛО ПУТИ

В подглавке "Александр и Владимир" автор-генерал, сославшись на то,что о воспитании Владимира Ульянова написано "множество книг", решил ограничиться приведением лишь "нескольких деталей, обычно выпадающих" из официальной Ленинианы. Как и следовало ожидать, завлекающий посул оказался очередным блефом. Так, желая подчеркнуть "достаток" семьи, Волкогонов преподносит такую деталь: "В Симбирске Ульяновы приобрели хороший дом" (с. 53). А ведь если бы историк следовал правде, то должен был сказать, что первые **девять лет** жизни в Симбирске Ульяновы скитались **по шести частным квартирам**, пока в 1878 году, имея шестерых детей, приобрели, наконец, собственный дом.

"К этому времени, — продолжает портретист, — И. Н. Ульянову высочайше было пожаловано дворянство, что автоматически и юного Владимира сделало дворянином". И опять он демонстрирует незнание истории. Эта "деталь" о "высочайшем" пожаловании — плод фантазии автора. На самом деле право на потомственное дворянство И. Н. Ульянов приобрел с присвоением ему в 1879 году чина действительного статского советника, а Владимир станет дворянином не "автоматически", а только в 1886 году, после смерти отца, вследствие ходатайств матери.

Напомнив общеизвестный факт, что директор гимназии Ф. М. Керенский "не раз публично высказывал свое восхищение способностями и прилежанием гимназиста Ульянова", Волкогонов бездоказательно привносит еще одну надуманную "деталь" в сочиняемый им образ Ленина: "Уже тогда свое первенство молодой Ульянов считал возможным подтверждать грубым моральным давлением и нетерпимостью к иным взглядам".

Изложив эти "детали", портретист попытался дать свое "видение" обстоятельств, обусловивших вступление Александра, а затем и Владимира в борьбу с существующим строем. Ответы на вопрос: как случилось, что все дети директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова и его жены Марии Александровны уже в ранней юности не мыслили себя вне связи с демократическими силами, выступавшими против деспотизма и произвола господствующих классов, искали все исследователи, трудившиеся в Лениниане. Вопрос этот непростой, ибо сами-то Ульяновы жили более или менее сносно, не испытывали на себе капиталистической эксплуатации, национального гнета или чиновничьего произвола. Вместе с тем, дети Ульяновых имели все возможности сделать карьеру — окончить гимназии, затем высшие учебные заведения и стать преподавателем, юристом, врачом, литератором и даже ученым. Однако, отказываясь от личного благополучия, они один за другим вливались в ряды революционного подполья.

В общих чертах истоки этого феномена известны давно: свободолюбивая обстановка в семье, чтение демократической литературы, кричащие противоречия окружающей действительности, а для Владимира еще и героический пример старшего брата. Волкогонов еще недавно придерживался примерно такого же объяснения, но теперь, порвав с историческим материализмом, предпочитает заниматься либо выдергиванием фактов, либо их извращением, а затем и измышлением в своих выводах. Так, уцепившись за слова Марии Ильиничны о том, что Илья Николаевич "не был революционером", портретист выдает эти слова за подтверждение "гражданской лояльности отца самодержавию" (с. 57). А как соотнести это с тем, что министры народного просвещения дважды (в 1880 и 1885 годах) подписывали приказы о досрочном увольнении симбирского директора в отставку? Или то горе, которое испытывал Илья Николаевич в эпоху реакции 1880-х годов, когда его любимое детище — земскую школу — пытались заменить убогими церковно-приходскими школами?

Волкогонов довольно уважительно пишет об Александре Ульянове, приписывая ему даже то, чего и не совершал: например, то, что якобы еще е в гимназии он "быстро овладел тремя европейскими

языками". Но, отдав дань частностям, Дмитрий Антонович исподволь протаскивает надуманные тезисы о том, что во время учения А. Ульянова на первых курсах Петербургского университета "ничто не говорило, что юношу захватит ветер общественных движений", а к политическим кружкам он "относился равнодушно" (с. 59).

Эти байки недостойны "известного историка". Из воспоминаний Анны Ильиничны известно, что Саша уже в средних классах гимназии увлекался некрасовскими "Дедушкой" и "Русскими женщинами", ибо питал большой интерес к декабристам. Любил он с большой силой выражения декламировать рекомендованные отцом "Песню Еремушке" и "Размышления у парадного подъезда" Некрасова, а также слушать, как отец напевал плещеевское "По духу братья мы с тобой". В старших классах Александр и Анна прочли "от доски до доски всего Писарева" (запрещенного в библиотеках) и были глубоко возмущены трагической кончиной своего кумира: жандарм, следивший за Писаревым, видел, как тот во время купания тонет, но ничего не сделал, чтобы его спасти.

А разве гневная реакция Александра Ульянова на весть об аресте редактора закрытых правительством "Отечественных записок" М. Е. Салтыкова-Щедрина: "Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать!" — не свидетельство того, что юноша-студент был захвачен "ветром общественных движений"? В 1885 году Александр Ильич был одним из активных членов запрещенных симбирского и поволжского землячеств, способствовал созданию при них библиотек, в которых можно было прочесть нелегальные "Сказки" Щедрина, "Исповедь", "Так что же нам делать?", "В чем моя вера" Л. Толстого, народовольческие и социал-демократические издания, "Капитал" К. Маркса. 7 ноября 1885 и 1886 годов Александр Ульянов посетил опального Салтыкова-Щедрина и выразил ему солидарность от имени студенчества.

Поражает и примитивизм волкогоновской трактовки вхождения Александра Ильича в террористическую фракцию партии "Народная воля". Наш портретист не знает даже того, что после зверской расправы властей с участниками Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года именно Александр Ульянов написал прокламацию, заканчивавшуюся суровым предостережением: "Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности"[1].

Опуская (ради экономии места) разбор других волкогоновских искажений истории участия А. Ульянова в деле 1 марта 1887 года,

---

[1] Первое марта 1887 г. Л., 1927, с. 381.

приведу еще один из характерных для дважды доктора наук домыслов. Упомянув, что после гибели Александра Ильича в семье надолго поселилось горе, он заявил далее: "Мать, в трауре, после долгих молений не раз просветленно говорила, что Саша перед смертью приложился к кресту" (с. 63). Но это же чистейшей воды беллетристика...

Ничего общего с наукой не имеет мнение Волкогонова, что "Владимир Ульянов, долго находясь под воздействием семейной трагедии, думал не столько об идеях, которые захватили брата и его друзей, а о стоицизме и силе духа молодых террористов-заговорщиков". И только человек, порвавший с марксизмом, может позволить себе измышление о том, что Владимир Ульянов "пошел действительно совсем иным путем", более эффективным, "но менее благородным", нежели тот, который избрал Александр Ильич.

Слегка коснувшись участия студента Владимира Ульянова в казанской сходке 4 декабря 1887 года и укрепления его революционных взглядов, автор объясняет это только "остракизмом", которому подвергали опального В. Ульянова царские власти. Как видим, портретист снова старается все свести к случайным, личностным мотивам. Начисто, но голословно, отрицает Волкогонов и участие Владимира Ильича в жизни самарского революционного подполья, и любой читатель, взглянув в мою книгу "Самарские университеты" (М., 1988), убедится, как портретист выдает белое за черное. Поражает наглость, с какой он уничижительно характеризует адвокатскую практику Владимира Ильича: "Ему доведется участвовать в нескольких делах (мелкие кражи, имущественные претензии), которые сложились для него с переменным успехом". В интервью же "Аргументам и фактам" (1994, август) Волкогонов доводит эту ложь до абсурда: "Вел шесть дел мелких воришек, ни одного дела не выиграл". На самом же деле архивные документы свидетельствуют, что В. Ульянов только в 1892 году выступал защитником в самарском окружном суде по 13 уголовным делам и, по справедливому замечанию писателя-юриста В. Шалагинова, что-то выигрывал: либо у самого обвинения — против обвинительного акта, либо у представителей обвинения — против его требований о размере наказания. Если бы портретист заглядывал в документальную Лениниану, скажем, в книгу "Самарские университеты", то узнал бы, что Владимир Ильич занимался не только "мелкими кражами", но и делом начальника железнодорожной станции Безенчук А. Н. Языкова. И не без успеха: присяжные заседатели стали на точку зрения Ульянова, и Языков за упущения по службе был подвергнут штрафу в 100 рублей, а не тюремному заключению, как добивался прокурор.

Смехотворной выглядит и попытка принизить статью Владимира Ильича "Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова "Южно-русское крестьянское хозяйство", в которой с марксистских позиций были вскрыты истинные причины разложения деревни. Редакция либеральной "Русской мысли", куда Владимир Ильич послал статью, отклонила ее, "как неподходящую к направлению журнала". Волкогонов же, не считаясь с этим фактом, облыжно утверждает, будто бы редакция "Русской мысли" отвергла статью Ульянова потому, что она содержала "весьма мало собственных идей..." (с. 74).

Вот уж у кого мало собственных оригинальных идей, так у новоявленного "известного историка". Многие страницы главы "Дальние истоки" представляют собой пересказ книги "Ленин" американского публициста Л. Фишера. Этот грех обнаруживается и в подглавке "Надежда Крупская", в которой Волкогонов повторяет сплетни о "сердечных делах" молодого Ульянова. Чего стоит такое заимствование, можно убедиться по такому пассажу портретиста: "По свидетельству ряда солидных историков, и в частности, Луиса Фишера, прожившего в России 14 лет, Ленин неудачно сватался к Аполлинарии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлинария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К. М. Тахтарева, редактора революционного журнала "Рабочая мысль". Какое-то время Ульянова и Якубова поддерживали письменную связь, особенно после того как Ленин оказался в Мюнхене, а Аполлинария в Лондоне. Переписка, судя по публикациям, была весьма революционной" (с. 88).

Волкогонов безбожно лжет относительно "авторитетности" свидетельства Л. Фишера: тот впервые появился в России... осенью 1922 года и, понятно, никак не может "свидетельствовать" о "сватовстве" Владимира Ильича к Якубовой. Но портретист настолько увлекся досужими вымыслами, с помощью которых пытается разогреть обывательский интерес к "интимной" жизни великого человека, что не находит времени заглянуть в первоисточники. А ведь в них точно указано, что Владимир Ильич бракосочетался с Надеждой Константиновной в 1898 году, а Якубова вышла замуж за Тахтарева (который тогда и не мечтал о профессорском звании) в начале 1900-х годов... Не лишне бы генералу ведать и о том, что Владимир Ильич знал Якубову еще и потому, что она во время учения на Бестужевских курсах была близкой подругой его сестры Ольги.

Но "известный историк" озабочен только тем, как бы с помощью изощренных домыслов опорочить личную жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Так, характеризуя начало их

семейной жизни в Шушенском, он беспардонно изрекает: "Думаю, что молодая семья начинала жить без особой любви... С годами Крупская становилась тенью Ленина..." Но, может быть, какие-то ранее неизвестные документы дают ему право так думать и писать? Отнюдь, нет.

Забегая вперед, Волкогонов дает уничижительную оценку собранию педагогических сочинений Надежды Константиновны, и опять без каких-либо аргументов: "Знакомство с многотомьем сразу же приводит к выводу, что все идеи о "коммунистическом воспитании" основаны на комментировании ее супруга, весьма тривиальны и не представляют подлинно научного интереса" (с. 93). Вот так, ни много, ни мало — походя, без глубокого анализа "многотомья". А, может быть, подобная оценка более подходит к тем двум десяткам книг о воспитании коммунистической морали, которые написал сам Волкогонов в 1973—1988 годах? Что же касается творческого наследия Н. К. Крупской, то оно огромно, многогранно, и некоторые ее работы (например, брошюра "Женщина-работница") получили высокую оценку в печати еще в начале XX века. Толстоведы всегда будут пользоваться воспоминаниями Надежды Константиновны "О Льве Толстом", а также теми статьями, в которых она освещает педагогический опыт яснополянского мыслителя ("К вопросу о школьных судах", 1911, "Лев Толстой в оценке французского педагога", 1912) и др. Навсегда в историю педагогики вошла брошюра "Народное образование и демократия" (1917), в которой Надежда Константиновна рассказывала о таких просветителях, как Жан-Жак Руссо, Песталоцци, Роберт Оуэн... В них — глубокий анализ и никакого "комментирования" трудов своего супруга. Надежда Константиновна была не только политическим деятелем, но и активисткой международного женского движения, крупным знатоком и организатором народного образования. И никаким Волкогоновым никогда не принизить и не опорочить того бесценного вклада, который внесла Надежда Константиновна в ликвидацию безграмотности, беспризорности, в организацию пионерского движения, детского отдыха и самоуправления, в развитие детской литературы. При этом не лишне отметить, что, будучи талантливым и авторитетным публицистом, Крупская, как и ее супруг, обходилась без референтов и спичрайтеров...

Но генерал, пользуясь дарованной ему "демократами" безнаказанностью, продолжает вести безответный огонь по Ульяновым: "Когда судьба занесла чету за границу, — продолжает вещать Волкогонов, — Крупская быстро приняла тот щадяще-прогулочный режим, которого придерживался Ульянов" (с. 94). Каждый, читая статьи и письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны

дореволюционного периода, легко убедится в том, какая же колоссальная работа была проделана ими по изданию "Искры", созданию социал-демократических организаций, помощи политэмигрантам, подготовке пленумов, конференций и съездов, выработке тактики большевиков в период первой русской революции, укреплению международной солидарности трудящихся, предотвращению мировой войны и т. д.

Что касается намека Волкогонова на то, что Ульяновы жили за границей "весьма недурно", то это ничто иное, как уловка, с помощью которой, как дымовой завесой, генерал пытается прикрыть свои операции по приватизации фешенебельного жилья и дачи, разбазариванию валюты на свои вояжи по зарубежью и пр. Тем не менее, в следующей статье мы подробно рассмотрим волкогоновский миф о "денежных тайнах Ильича".

МИФЫ О "ДЕНЕЖНЫХ ТАЙНАХ"

С завидным упорством Дмитрий Антонович внедряет в сознание читателей мысль, что в каждой подглавке их ждет что-то неизвестное, сенсационное. "У людей, воспитанных, как я сам, — вещает он, — не могло еще пятнадцать—двадцать лет назад даже возникнуть мысли: на какие средства Ленин жил до революции?" (с. 95).

Интригующая запевка для доверчивого человека, но вдумчивый читатель задаст резонный вопрос: как это 15—20 лет назад Волкогонов, являвшийся одним из руководителей марксистско-ленинской подготовки в Советских Вооруженных Силах, не знал об этих "средствах", если о них говорится в сочинениях Владимира Ильича, воспоминаниях и переписке родных, исследованиях ученых и краеведов. Неужели за семь лет службы в Ульяновске и Куйбышеве будущий "известный историк" ничего не запомнил из рассказов экскурсоводов об условиях жизни и быта Ульяновых? Наконец, в 1992—1993 годах, когда генерал сочинял "портрет" Ленина, он ведь использовал сборник "Ленин и Симбирск" издания 1968 года (26-летней давности), и следовательно, не мог там не заметить документов о пенсии, которую в 1886—1916 годах получала за мужа Мария Александровна.

И смех, и грех видеть, как дважды доктор наук на свой лад преподносит давным-давно известные сведения о назначении этой пенсии: "После смерти кормильца семьи Ильи Николаевича Ульянова его жена Мария Александровна, будучи вдовой действительного статского советника, кавалера ордена Станислава I степени, стала получать на себя и детей пенсию в размере 100 рублей в месяц" (с. 97).

Всем, кто действительно интересуется правдой о семье Ульяновых, известно, что Марии Александровне и ее детям пенсия была назначена не за то, что Илья Николаевич имел высокий чин, а за его "свыше 30-летнюю службу" по ведомству министерства народного просвещения, в том числе "более десяти директором народных училищ Симбирской губернии". Кормильца семья потеряла 12 января 1886 года, но почти полгода пенсия не поступала.., и 24 апреля Мария Александровна в прошении попечителю Казанского учебного округа, обрисовывая свое бедственное положение, поясняла: "а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына, который, окончив курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение". Нужда заставила Ульянову в начале 1886 года сдать половину своего дома квартирантам.

Не согласуется с исторической правдой и утверждение, что Мария Александровна была вдовой "кавалера ордена Станислава I степени". Во-первых, официально орден носил имя "святого Станислава", а во-вторых, Илья Николаевич лишь прочел в газете известие о пожаловании ему ордена, но так и не увидел в глаза этой награды, ибо скоропостижно скончался. А вдова, как это видно из донесения директора народных училищ И. В. Ишерского, "не пожелала получить орденские знаки". И опять-таки, потому, что за эти знаки полагалось уплатить казне 150 рублей...

Волкогонов не сумел или не пожелал уяснить себе, что значила для Ульяновых 100-рублевая пенсия. Между тем, "известному историку" надо бы знать об основных статьях расхода семьи Ульяновых после смерти кормильца. По 40 рублей мать должна была высылать в Петербург студентам — сыну Александру и дочери Анне (на жилье и скромное питание), что с пересылкой составляло свыше 82 рублей в месяц. А на оставшиеся 18 рублей невозможно было содержать себя, четырех младших детей и няню (ставшую к этому времени, по сути дела, членом семьи), отапливать и освещать дом, уплачивать за обучение в мариинской гимназии за дочь Ольгу и т. п.

Не вникая в эти и другие необходимые для интеллигентной семьи расходы, портретист упорно навязывает читателям свою идейку о том, что Ульяновы не испытывали "лишений, трудностей, нехваток". Особый упор при этом он делает на полученное наследство.

"Мать владела частью имения (не только дома) в Кокушкине. Имением, по согласию сестер, распоряжалась Анна Александровна

Веретенникова, и свою, пусть не очень большую, долю Мария Александровна исправно получала", — сообщается на с. 98 с таким видом, чтобы создать впечатление о каком-то солидном источнике доходов.

А правда заключается в том, что после смерти в 1870 году доктора Бланка в Кокушкине осталась усадьба и 226 десятин земли, то есть по 45 каждой из пяти замужних и многодетных дочерей (см. Казанские губернские ведомости, 1861, 14 февраля). Трое из них постоянно проживали вдалеке от Кокушкина: Мария Ульянова — в Симбирске, Софья Лаврова — в Ставрополе (на Волге), Екатерина Залежская — в Перми. Свои доли, каждая стоимостью около трех тысяч рублей (это менее годового оклада директора симбирской классической гимназии Ф. М. Керенского), они передали в распоряжение старших сестер — Анны Веретенниковой и Любови Пономаревой, причем именно последняя и считалась в 1887 году владелицей имения (а не Веретенникова, как это пишет Волкогонов). В урожайный год сестры, уже вдовы, получали небольшой доход, равный примерно месячному заработку народного учителя. В засуху же, а это бывало часто, имение приносило только убытки. И не удивительно, что отцовское наследство давным-давно было заложено и перезаложено в банке. Главную ценность в нем составляла усадьба, в которой можно было летом отдыхать семьями (см. Трофимов Ж. Казанская сходка. М., 1986, с. 35). Из литературы известно, что Ульяновы не без хлопот в конце-концов получили деньгами за свою долю имения.

Что касается хутора при деревне Алакаевка Самарской губернии, который Мария Александровна в феврале 1889 года приобрела за деньги, полученные от продажи симбирского дома, то он представлял собою старый деревянный дом, мельницу и 83,5 десятины земли. Но хозяйство было приобретено в тяжкое время (апогеем его станут голод и холера 1891—1892 годов). И уже через четыре с половиною месяца проживания в Алакаевке, 20 сентября 1889 года, Марк Елизаров помещает в "Самарском вестнике" объявление о продаже алакаевского хутора. Или покупатель не нашелся, или арендатор предложил цену, которая, может быть, покрывала наем Ульяновыми частной квартиры в Самаре, но до 1893 года хутор оставался их собственностью. На этом и кончилось навсегда владение Ульяновыми недвижимостью.

Вдумчивому читателю из этой краткой справки видно, что "имения" в Кокушкине и Алакаевке даже вместе с пенсией Марии Александровны не создавали "достаточно стабильной материальной обеспеченности", как об этом пишет Волкогонов. Впрочем, для вящей убедительности, он "фамильный фонд Ульяновых" увеличи-

вает еще и "той суммой, которую **передал** семье брат Ильи Николаевича". Вот истинное лицо человека, рвущегося в академики: если на с. 48 Дмитрий Антонович писал, что В. Н. Ульянов "незадолго до своей смерти выслал денежную часть своего состояния" (есть, правда, лишь косвенные свидетельства) Илье Николаевичу, то на с. 99 эта сумма уже **точно** передана семье Ульяновых...

Неопровержимыми свидетельствами того, что Ульяновы и Елизаровы, проживая в Самаре, постоянно искали заработка, являются объявления в местных газетах с предложениями стать репетиторами. Так, уже через полмесяца после переезда из Казани в Самару, 18 мая 1889 года в "Самарской газете" появляется объявление, которое перепечатывалось еще 9 раз: "Бывший студент желает иметь урок. Согласен в отъезд. Адрес: Вознесенская ул., д. Саушкиной, Елизарову, для передачи В. У." Как видим, Владимир Ильич, находившийся как и сестра Анна и ее муж Марк Елизаров, на положении политического поднадзорного, готов был на отъезд в незнакомое село, только бы как-то пополнить семейный бюджет.

Выдумав миф о "безбедном" существовании Ульяновых, портретист запустил еще одну утку: "А работников в семье долго не было. Владимир ...быстро бросил юридическую практику, Анна, Дмитрий, Мария учились долго, не спешили выбрать какой-то род занятий, который бы приносил доход" (с. 99). В действительности же Владимир Ильич занимался юридической практикой не только в Самаре, но и в Петербурге, где он являлся помощником присяжного поверенного у известного адвоката М. Ф. Волькенштейна. Нелепо выглядит и попытка Волкогонова утверждать, что адвокатская практика — это, мол, и весь трудовой стаж Владимира Ильича. Если в Российской Федерации засчитывается в трудовой стаж пребывание в лагерях и ссылке, то уж профессиональный революционер В. Ульянов обладал на это не меньшим правом. К тому же он был и профессиональным журналистом и литератором.

Не выдерживают критики рассуждения Волкогонова о "долгом" учении сестер и брата Владимира Ильича. Анна училась на Бестужевских курсах около четырех лет, то есть столько же, сколько и другие студентки. После ареста по делу 1 марта 1887 года она отбывала ссылку в Кокушкине, Казани и Самаре, не имея права поступления на педагогическую службу. Но как только Анна Ильинична немного оправилась от потрясений, вызванных смертью отца и гибелью брата Александра, она усиленно занялась переводческой деятельностью и в 1891—1893 годах публикует в "Самарской газете" переводы с итальянского. Кроме того, она дает уроки своим младшим брату и сестре и приемному сыну Г. Лозгачеву.

Дмитрий Ильич с 1893 года учился на медицинском факультете Московского университета до ноября 1897 года, когда был арестован по делу "Рабочего союза". В августе 1898 года его выпустили из одиночки Таганской тюрьмы и выслали в Тулу... И только в 1900 году Д. Ульянов получил разрешение продолжить учение в Юрьевском университете, который он и окончил в 1901 году с дипломом лекаря. Были задержки в учебе и у Марии Ильиничны, которая в 20-летнем возрасте (1898 г.) стала членом РСДРП, а в 1899 году была уже арестована и выслана из Москвы в Нижний Новгород.

Наводя тень на плетень о так называемых "денежных тайнах" Ульяновых, Волкогонов старается принизить размеры гонораров, получаемых Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной за постоянный литературный труд. А ведь только в Шушенском молодая чета перевела с английского труд супругов С. и Б. Вебб "Теория и практика английского тред-юнионизма" для издания в столице. Владимир Ильич получал гонорары за рецензии, которые публиковались в "Научном обозрении", "Русской мысли", за свой сборник "Экономические этюды и статьи". В 1899 году М. И. Водовозова, издавшая "Развитие капитализма в России", выплатила Владимиру Ильичу 1500 рублей за книгу, над которой он трудился около трех лет.

Волкогонов игнорирует еще один источник, из которого Владимир Ильич и его родные получали финансовую поддержку во время жизни в эмиграции и в годы первой революции. Это помощь от М. Т. Елизарова, который в 1902—1903 годах работал в управлении Сибирской железной дороги, а затем в управлении Восточно-Китайской железной дороги (в Дальнем и Порт-Артуре) и получал там солидное жалованье. Да и позже, работая в управлении Николаевской железной дороги, он тоже помогал родным своей жены.

Есть в "Денежных тайнах" глухое упоминание о том, что "до начала войны Н. К. Крупская получила наследство от своей тетки, умершей в Новочеркасске". А ведь надо было бы сказать, что те две тысячи рублей, которые неожиданно поступили по завещанию — это деньги, которые тетка Крупской скопила за 30 лет педагогической деятельности. Надежда Константиновна в связи с этим вспоминала, что именно на эти две тысячи они с Владимиром Ильичем "и жили главным образом во время войны, так экономя, что в 1917 г., когда... возвращались в Россию, сохранилась от них некоторая сумма, удостоверение в наличности которой было взято в июльские дни 1917 г. в Петрограде во время обыска в качестве доказательства того, что Владимир Ильич получал деньги за шпионаж от немецкого правительства".

Были в жизни Ленина такие моменты, когда он, как и другие профессиональные революционеры в эмиграции, получал пособия

из партийной кассы, которая составлялась как за счет поступлений от местных комитетов, так и пожертвований меценатов — С. Морозова, М. Горького, П. Шмидта и других состоятельных деятелей. Но партийная касса, вопреки заявлению портретиста, не являлась для Ульяновых "заметным источником существования".

Омерзительно наблюдать, как Волкогонов пытается представить Владимира Ильича в эмиграции этаким барином, который мог позволять себе в любое время разъезжать по Европе и снимать роскошное жилье. "Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 840 франков + налог около 60 франков, да консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого", — с нескрываемым подвохом цитирует Волкогонов письмо Владимира Ильича из Парижа в Россию от 19 декабря 1908 года старшей сестре Анне. И тут же дает свой антисоветски-язвительный комментарий: в СССР, мол, большинство жителей не могло и думать "о **получении** четырехкомнатной квартиры на трех человек..." (с.112). Какими апартаментами, дачами, охраной и обслугой пользуется в 1994 году генерал-полковник Волкогонов, трудно вообразить простому смертному... Но зачем же так бессовестно грубо извращать личную жизнь великого человека? Ведь Владимир Ильич не "получил", а снял, на короткое время, частную квартиру и не на **троих**, а на **четверых**, ибо, кроме его самого, жены и тещи, здесь же стала жить Мария Ильинична, приехавшая для учебы в Сорбонне. Честный историк должен бы добавить подробность из письма Крупской, что эта квартира "была нанята на краю города" и что одна из комнаток, в которой "стояла лишь пара стульев, да маленький столик", служила приемной для довольно многочисленных посетителей. И последнее: в этой шикарной квартире Ульяновы жили всего лишь полгода и после отъезда Марии Ильиничны уже втроем, переехали на глухую улочку Мари-Роз, где сняли двухкомнатную квартиру. "Приемной" стала кухня...

"Денежные тайны" являются частью главы "Дальние истоки", но, как и другие подглавки, засорены отрывками из документов и материалов, с "дальними истоками" ничего общего не имеющих. К чему, спрашивается, приводить здесь выдержки из заседания Политбюро от 22 апреля 1922 года, на котором обсуждалась смета Коминтерна? И как надо понимать такой пассаж: "Ленин любил распоряжаться денежными делами. По его распоряжению в июне 1921 года перевезли в Кремль 1878 ящиков с ценностями. Так ему было спокойнее" (с. 113). Так в чем же и тут упрек Ленину? Не в присвоении ли ценностей? — Нет. Так, значит, в том, что глава Совнаркома заботился о сосредоточении национального богатства в старинных кремлевских хранилищах?

В заключение разбора мифов о пресловутых "денежных тайнах Ильича" напомню десятилетиями жирующему у элитарной госкормушки портретисту завет древнеримского мудреца Эпиктета: "Не берись судить других, прежде чем не сочтешь себя в душе достойным занять судейское место".

ВМЕСТО "ПОРТРЕТА" — ПАСКВИЛЬ

Анализу первой главы волкогоновского двухтомника "Ленин" я посвятил четыре обстоятельные статьи, в которых на конкретных фактах постарался показать, что шумно разрекламированная новинка — этот вовсе не "политический портрет", а сборник компилятивных статей, изобилующих к тому же сплетнями, мифами, домыслами, грубыми ошибками. Если бы я подверг столь тщательному разбору остальные главы только 1-го тома ("Магистр ордена", "Октябрьский шрам" и "Жрецы террора"), то мой анализ составил бы полтора десятка критических статей, что не под силу моим издательским возможностям. Поэтому придется останавливаться лишь на ключевых моментах опуса сановного автора, когда охаивание Владимира Ильича, созданной им большевистской партии и Великой Октябрьской революции принимает настолько наглый характер, что не может не вызвать естественного протеста.

Совершенно проигнорировав деятельность Ленина по созданию "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", его заключение в одиночке петербургской тюрьмы, а затем и пребывание в сибирской ссылке, в главе с таинственным названием "Магистр ордена" Волкогонов с апломбом заявляет, что большевистская партия — прообраз "государственно-идеологического ордена", пригодного лишь для тоталитарного строя. О том, что этот лексикон бывшего политрука сродни языку самых оголтелых антикоммунистов, можно судить по заключительным строкам главы "Магистр ордена":

"С помощью организации-ордена Ленин смог в конце концов завладеть общественным сознанием миллионов людей, но не только для того, чтобы позвать их в светлую горницу будущего, но и чтобы разбудить в подвалах инстинктов революционную жажду ниспровержения, отрицания и разрушения. Он не учел одного: его партия могла жить только в тоталитарной системе. В любой другой она не способна существовать. Август 1991 года подтвердил обреченность его детища (с. 180)".

Нетрудно представить, что и как ответили бы генералу на это пасквилянтское заявление миллионы коммунистов, сложивших

свои головы на фронтах Великой Отечественной войны, восстанавливавших родимую страну от разрухи в послевоенные годы, бдительно стоявших затем 40 лет на страже своей Отчизны в Советских Вооруженных Силах, а также ветеранов войны и труда, хранящих верность коммунистическим идеалам.

Но кто, как не генерал Волкогонов, почти 40 лет проработавший в политорганах Советских Вооруженных Сил, и ему подобные перевертыши своим двуличием (говорили и писали одно, а делали другое) как раз и содействовали попранию ленинских норм партийной и государственной жизни, извращению коммунистической морали и нравственности?

Далее. Если бы в СССР и после Сталина, скажем, в брежневско-горбачевскую эпоху, существовала тоталитарная система, то смогла ли бы команда Ельцина захватить в августе 1991 года власть в стране? Ведь в тоталитарном государстве этот переворот был бы невозможен хотя бы потому, что Вооруженные Силы, КГБ и МВД моментально пресекли бы такую попытку в самом зародыше.

В своих стараниях представить большевистскую партию как некий орден, руководство которого уповало только на насилие, террор и на достижение личного благополучия, Волкогонов перещеголял даже зарубежных антикоммунистов, в частности, автора книги "Ленин" Л. Фишера. Даже буржуазный публицист, характеризуя Ленина, уважительно подчеркивал, что его диктатура была "диктатурой воли, упорства, жизнеспособности, знаний, административного таланта, политического задора, практического чутья и убедительности... Его ум и решимость подавляли противника, убежденного в непобедимости Ленина... Его самоотверженность была такова, что никто не мог обвинить его в личном тщеславии или корыстолюбии". Во многом благодаря Ленину, который "лично показывал пример сурового пуританизма", — продолжал Фишер, — большевистская партия после взятия власти в 1917 году превратилась в "**монашеский орден**": "Коммунист с оружием в руках сражался на поле брани, завоевывал умы пропагандой, благодаря энергии, планомерности и особой техники принуждения, одерживал победы на хозяйственном фронте. Наградой за доблесть служило ему назначение на еще более трудный и опасный пост. Доходные местечки противоречили коммунистическому нравственному кодексу" (Фишер Л. Ленин. Нью-Йорк, 1970, с. 751).

Если Волкогонов уничижительно отзывается о большевистской партии, взрастившей его и давшей ему чины и звания, которыми он продолжает кичиться и пользоваться, то неудивительно, что он, подобно отпетым антисоветчикам, считает и Великую Октябрьскую социалистическую революцию трагическим событием в жизни

России. В главе, презрительно названной "Октябрьский шрам", Волкогонов с умилением пишет о Николае II, как о царе-миротворце, об эмигрантах, изъявивших в начале мировой войны желание защищать Отечество, и т. п. А вот Ленин, по словам пасквилянта, "вел безмятежную жизнь"; занимался самообразованием, написанием статей и книги "Империализм как высшая стадия капитализма". "Но не будь революции, об этих работах, как и о самом Ленине, мы знали бы сегодня не больше, чем о литературном наследии в делах Михайловского, Ткачева, Нечаева, Парвуса, Равич..." (с. 186).

Невооруженным глазом видна злонамеренность этих невежественных утверждений. Во-первых, Владимир Ильич, подобно великому французу-социалисту Жану Жоресу (убитому в августе 1914 года за свою антивоенную деятельность), делал все возможное и невозможное, чтобы изобличить зачинщиков кровавого передела мира и мобилизовать трудящихся на борьбу за прекращение империалистической войны. А, во-вторых, пора бы знать доктору наук, что история не любит сослагательного наклонения: мало ли что могло случиться, если бы да кабы... (Скажем, о чем бы сейчас писал Волкогонов, если бы к власти не пришли лжедемократы?..). Поэтому и выеденного яйца не стоят пространные умствования Волкогонова вроде того, что если бы Владимиру Ильичу не удалось весной 1917 года вернуться из Швейцарии в Россию, то, "кто знает... состоялся ли бы октябрьский переворот?" (с. 198). Но не больше гастрономической ценности представляют и те страницы волкогоновской стряпни, где он, мошеннически перевирая исторические источники, обсасывает так называемый "немецкий фактор" в русской революции вообще, и переезд группы политэмигрантов во главе с Лениным в "пломбированном" вагоне через территорию Германии. Но ведь сама-то идея проезда этим маршрутом принадлежала не Владимиру Ильичу, а Мартову. И справедливо в связи с этим замечание Л. Фишера: "Ленину дело представлялось простым: он стремился в Россию, а все остальные пути были закрыты. Что об этом скажут враги в России и на Западе, его нимало не беспокоило. Меньшевики, он знал, не станут на него нападать: их вождь Юлий Мартов приехал в Россию той же дорогой".

Волкогонов в душе понимает несостоятельность нападок на Ленина за возвращение на родину через территорию врага, не верит он и в то, что Владимир Ильич лично пользовался какими-то немецкими деньгами, но тем не менее пишет ничем необоснованные строки, изощряясь в остроумии: "Кайзеровская Германия и большевики оказались тайными любовниками. Но странными — по расчету" (с. 224).

Около двух десятков страниц в книге занимает сюжет "Ленин и Керенский". Свое видение образов этих "самых популярных людей

17 года в России" Дмитрий Антонович выразил так: "Керенский — типичный российский либерал, пытавшийся поглаживанием успокоить вздыбившуюся Россию, сделать ее похожей на западные демократии. Ленин — великий и беспощадный утопист, вознамерившийся с помощью пролетарского кулака размозжить череп старому и создать общество, идея которого родилась в его воспаленном мозгу" (с. 234).

Не знаю, сам ли придумал эту характеристику наш автор или заимствовал ее из чужого труда, но в любом случае она не верна. Керенский не был типичным либералом, ибо задолго до 1917 года склонялся к решительной борьбе с царизмом (вплоть до террора), а став лидером буржуазного Временного правительства, ввел в армии смертную казнь, благословил охоту на большевиков, расстрел мирной демонстрации в июле 1917 года и т. п. Что же касается Владимира Ильича, то идея социалистической революции витала в России не только в его голове и задолго до того, как он стал ее воплощать в жизнь.

Роль заправской "демократической" гадалки явно пришлась по душе генералу и он с самодовольным видом вещает: "Удайся Февраль 1917 года, и Россия была бы сегодня великим демократическим государством и ее не ждал бы развал, как Советскую империю..." (с. 242).

Антинаучность подобных "прогнозов" ярко выразилась в попытке Волкогонова поставить на одну доску результаты мятежа Корнилова и других генералов в августе 1917 года против Временного правительства с "августовским путчем 1991 года": "Тогда, в 1917-м, Керенский как-то сразу потерял свое влияние, а через 74 года в сходной (?!) августовской ситуации его лишился и Горбачев. В этом опасность бесконечного балансирования, маневрирования, лавирования...". Ведь "сходной-то ситуации" в 1991 году не было: если бы кто-то из генералов (Язов, Крючков, Пуго и др.) действительно поднял "мятеж", то в считанные минуты верными им частями были бы интернированы не только Горбачев, но и Ельцин со своими приближенными.

Недоумение вызывает надуманная попытка Волкогонова провести еще одну аналогию между 1917 и 1991 годами: "исторические лидеры переходного периода (примеры тому А. Ф. Керенский и М. С. Горбачев) хороши лишь для начала дела. Они неспособны без катаклизмов довести начатое до конца. Это герои исторического момента... Керенский "споткнулся" на неспособности решить проблему мира. Горбачев "уткнулся" в идеализацию октябрьского переворота" (с. 285). (Любопытно было бы услышать пояснение самого Горбачева относительно дела, которое он "только начал"). Пока же замечу лишь одно: в хоре, руководимом Горбачевым, одним

из самых певучих был политрук Волкогонов, который без устали вещал о всемирно-историческом значении Великого Октября. И даже 11 июля 1990 года, когда генерал уже переметнулся в стан ренегатов-"демократов", он в "Известиях" твердил, что "Октябрьская революция во многом изменила облик мира, заставила заботиться о социальной защите людей".

В книге же "Ленин" Дмитрий Антонович Великий Октябрь называет не иначе, как "переворот", который, мол, "оставил глубокий, вечный шрам на ковре (?) российской истории. Он еще более рельефно виден на фоне рваных ран гражданской войны" (с. 324). А ведь еще недавно Волкогонов усердно доказывал, что военная интервенция империалистов США, Англии, Франции и Японии против Советской России в 1918 году являлась экспортом контрреволюции, катализатором гражданской войны. И как бы ни хотел сегодня генерал, ему не удастся опровергнуть своего же анализа причин гражданской войны, который был дан им в книге "Триумф и трагедия" (кн. 1, ч. 1, с. 88): "Уже в апреле—мае 1918 года началась иностранная военная интервенция, возродившая у буржуазии и помещиков надежду на реванш. Повсюду мятежи, контрреволюционные выступления белого офицерства, казаков, кулаков, националистов. Страна, разрушенная четырехлетней войной, оказалась не просто в огненном кольце — она была сама в пламени войны. У республики не было границ. Были одни фронты.

...Конец Советской власти казался недалеким. Тем более, что началась настоящая охота на комиссаров. В Петрограде эсер Леонид Канегиссер выстрелом сражает Моисея Урицкого; в июле убит белогвардейцами Семен Нахимсон, известный комиссар латышских стрелков. Комиссар продовольствия Туркестанской республики Александр Першин погиб от рук мятежников в Ташкенте. В мае 18-го Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков, известные большевики Дона, гибнут на белоказачьей виселице. Бывший генерал-лейтенант царской армии Александр Таубе, перешедший на сторону революции и ставший начальником Сибирского штаба, попал в руки белогвардейцев и был замучен. Но самый страшный удар в 1918 году контрреволюция нанесла в Москве. После выступления Ленина перед рабочими завода Михельсона в него стреляла эсерка Фанни Каплан".

Из картины боевого 18-го года (остались, правда, за кадром убийство 20 июня комиссара Петросовета В. Володарского и др.) прекрасно видно, почему именно Советская республика была вынуждена той порой прибегать к ограничениям демократии, вводить чрезвычайное положение и отвечать на белый террор красным террором. Теперь трехзвездный генерал-демократ все эти события трактует совершенно по-иному и даже заключение Брестского мира

3 марта 1918 года он отваживается ставить в вину руководству Советской России. А ведь недавно, подобно Л. Фишеру, Дмитрий Антонович восхищался величием Ленина, сумевшего добиться подписания мира с Германией и тем самым спасшего молодое Советское государство.

Жалкое впечатление производят попытки Волкогонова доказать, что для Владимира Ильича Николай II, как и все другие "носители монархической системы", были давно "вне закона". "Почему?" — задает вопрос генерал-пасквилянт и сам же отвечает: "Прежде всего потому, что царизм уничтожил его старшего брата".

Но и эти рассуждения — тоже досужие домыслы. Во-первых, Ленин нигде и никогда не говорил, что все Романовы для него стоят "вне закона". А, во-вторых, целью Владимира Ильича была не месть за брата, а борьба с царизмом за лучшую долю, и он навсегда остался верен своей юношеской клятве идти иным, нежели любимый брат, путем борьбы с самодержавным деспотизмом.

Обвиняя Ленина чуть ли не во всех смертных грехах, Волкогонов в книге "Ленин" заботливо обеляет "демократов", в частности, действия руководителя Свердловского обкома КПСС по выполнению решения ЦК партии от 26 июля 1975 года о сносе особняка Ипатьева (в котором были расстреляны Николай II и его семья): "Секретарем обкома в Свердловске (Екатеринбурге) был тогда Б. Н. Ельцин. Ему было поручено депешей из Москвы ликвидировать особняк Ипатьева. Указание было выполнено. И Ельцин, — продолжает Волкогонов, — и все мы были тогда послушными коммунистами...".

Далее генерал заявляет, что "цареубийство — традиция варваров, продолженная большевиками". Он не поясняет, кого он понимает под "варварами". Однако не лишне было бы здесь вспомнить, что сами члены царствующих фамилий России не раз являлись соучастниками убийств своих родственников. Припомним, например, обстоятельства перехода престола к Б. Годунову, или от Петра III к Екатерине II, или убийство Павла I царедворцами, совершенное не без ведома его наследника Александра...

И последнее. Если уж Волкогонов выдает себя за гуманиста, в принципе осуждающего террор, разгоревшийся "с обеих сторон" в 1918 году, то этично ли было в книге о Ленине высказывать варварски-чудовищное сожаление, что выстрелы, адресованные "к вождю Октября" были "менее удачливы", чем у других "расстрельщиков"? И эта кровожадность трехзвездного генерала особенно отчетливо проявляется в сюжете "Выстрелы Фани Каплан?"[1], разбор которого требует специального разговора.

---

[1] "Фани" — орфография Д. Волкогонова.

СГОДИЛАСЬ И СПЕКУЛЯЦИЯ НА ДЕЛЕ КАПЛАН

Первые попытки физического уничтожения лидера большевиков предприняло Временное правительство уже в июле 1917 года, и Владимиру Ильичу тогда же пришлось уйти в подполье. Генерал-философ в связи с этим в книге о Сталине (1990, кн. I, ч. I, с. 71) с осуждением повествовал: "В мемуарах В. Н. Половцева, бывшего члена Государственной думы, в частности, говорится, что офицер, посланный в Териоки задержать Ленина, спросил его:

— Как доставить этого господина — в целом виде или по кускам? Я ответил ему с улыбкой, что люди, которых арестовывают, часто совершают попытку к бегству...".

В двухтомнике "Ленин" Дмитрий Антонович уже не вспоминает об этом вероломстве. Напротив: не скрывая, он сожалеет о том, что последовавшие в 1918 году попытки покушения на жизнь главы Совнаркома тоже не удались. Пересказывая об обстреле 1 (14) января 1918 года автомобиля, в котором Ленин вместе с сестрой Марией Ильиничной и Фрицем Платтеном ехали в Смольный на встречу с отрядом, уезжавшим на фронт, Волкогонов замечает: "Кузов был продырявлен в нескольких местах пулями... Обнаружилось, что рука Платтена в крови. Пуля задела его, когда он отводил голову Ленина... По всей видимости, о выступлении Ленина в манеже знали и покушавшиеся подготовили засаду. Но в тот раз пронесло..." (с. 404). При этом пасквилянт, естественно, ни словом не обмолвился ни о смелости Владимира Ильича, разъезжавшего по митингам в то тревожное время без всякой охраны, ни об удивительной для революционера гуманности.

А ведь когда через неделю управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич сообщил о ведущемся расследовании покушения, Владимир Ильич спросил: "А зачем это? Разве других дел нет? Совсем это не нужно. Что тут удивительного, что во время революции остаются недовольные и начинают стрелять?.. Все это в порядке вещей. А что, говорите, есть организация, так что же здесь диковинного? Конечно, есть. Военная? Офицерская? Весьма вероятно", — и он постарался перевести разговор на другие темы. Не без влияния Бонч-Бруевича следствие все же добралось до трех молодых офицеров — непосредственных участников покушения на главу Советского правительства. "По логике вещей все главные виновники покушения, — рассуждал Бонч-Бруевич, — должны быть немедленно расстреляны, но в революционное время действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги...". Окончательное следствие по делу этих офицеров совпало со взятием

немцами Пскова и публикацией ленинского воззвания "Социалистическое отечество в опасности". Содержавшиеся под арестом офицеры-террористы письменно попросили отправить их на фронт для участия в боях с иноземными захватчиками. Владимир Ильич тут же распорядился: "Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт".

Поразительную "забывчивость" проявил дважды доктор наук в подглавке "Выстрелы Фани Каплан?" Вопреки нормам научной этики, он даже не упомянул об основной литературе по этому вопросу. А ведь только в Политиздате в 1983 и 1989 годах выпускался сборник документов и материалов о покушении на жизнь Владимира Ильича 30 августа 1918 года "Выстрел в сердце революции". Совершенно умолчал Дмитрий Антонович и о тех "сенсационных" статьях, которые появлялись в печати за годы горбачевской "перестройки" и ельцинской "демократии".

Необходимо отметить, что большинство этих публикаций являются перепевами давно известной истории с вкраплением "жареных" фактов, почерпнутых из эмигрантской литературы. Но наш философ-историк наверняка читал очерк ташкентского юриста Е. Данилова "Три выстрела в Ленина, или за что казнили Фани Каплан", опубликованный в петербургской "Неве" (1992, № 5, 6), и даже коечто из него заимствовал. Не прошла мимо внимания Дмитрия Антоновича и большая публикация Е. Данилова "За что казнили Фани Каплан?" в "Огоньке" (1993, № 35—36), которую редакция сопроводила сенсационным сообщением о том, что ее автор, юрист из Ташкента, "впервые побывал в следственном управлении МБ РФ и **первым** из пишущих взял в руки папку с коротким названием "Дело Фани Каплан". В действительности же название на ней отнюдь не "короткое": "Следственное дело по обвинению Каплан Фани Ефимовны, а всего 15 человек, в покушении на жизнь Ленина".

Истины ради замечу, что я, наверное, раньше, чем Данилов, познакомился с этим делом, которое в начале 1992 года находилось уже в Центральном музее им. В. И. Ленина. В этом же учреждении, как мне передавали сотрудники Музея, знакомился с содержанием дела и Волкогонов. Но как бы то ни было, он, издавая в 1994 году (спустя год после публикации Данилова в "Огоньке") книгу "Ленин", не имел морального права писать в ней, что якобы первым получил доступ к документам и материалам о покушении 30 августа 1918 года. И тем не менее Дмитрий Антонович счел возможным присвоить себе лавры первооткрывателя, заявив читателям книги "Ленин": "С помощью архива КГБ просмотрим некоторые документы. Помощник военного комиссара 5-й Московской Советской пехотной

дивизии Батурин (надо — Батулин. — Ж. Т.) письменно показал Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией следующее: "В момент выхода тов. Ленина из помещения завода Михельсона, в котором происходил митинг на тему "Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата", я находился от товарища Ленина на расстоянии 15—20 шагов".

Опуская (для экономии места) последующие 40 строк из рассказа Батулина, отмечу, что Волкогонов приводит его по тексту, давно известному по печатным публикациям, и "архив КГБ" ничего нового нам не дал. Далее. Ученый обязан был бы сопоставить показания Батулина со свидетельствами других очевидцев покушения 30 августа 1918 года, ибо только так можно составить более или менее полную картину "выстрелов Ф. Каплан".

В частности, он не повторял бы байку Е. Данилова, будто никто не видел, что именно Каплан стреляла в Ленина. А ведь Батулин в своих показаниях ясно говорил, что когда толпа, находившаяся невдалеке от Владимира Ильича после выстрелов (приняв их за начало большого вооруженного выступления врагов советской власти) начала разбегаться, он стал кричать: "Держите убийцу тов. Ленина". Сам же он помчался в сторону Серпуховки, куда бежала основная масса людей, и своими призывами "держите убийцу тов. Ленина" ему удалось" остановить от бегства **тех людей, которые видели, как Каплан стреляла в тов. Ленина, и привлечь их к участию в погоне за преступником**". Таким образом, задержание Каплан произошло при помощи очевидцев покушения, и она тут же призналась в совершении злодеяния.

Как и Е. Данилов, наш "известный историк" тужится убедить читателей в том, что после получения двух пулевых ранений глава Советского правительства чувствовал себя довольно сносно: у подъезда здания, где находилась его кремлевская квартира, Владимир Ильич, мол, "отказался от помощи и, сняв пальто и пиджак, самостоятельно поднялся на третий этаж. Открывшей дверь перепуганной Марии Ильиничне бледный Ленин с вымученной улыбкой бросает:

— Ранен легко, только в руку..." Но это, конечно, сказано на первых порах, с неимоверными усилиями воли, для успокоения сестры. Кстати, этот отрывок взят тоже не из "архива КГБ", а из популярных воспоминаний М. И. Ульяновой, которую Владимир Ильич этими словами и пытался успокоить.

"Но угрозы жизни Ленина не было", — продолжает Волкогонов. И, словно сожалея об этом, изрекает: "Везение оказалось на стороне лидера российских большевиков... Бюллетени о состоянии здоровья, однако, регулярно печатались (что-то более 35 бюллетеней

было опубликовано), а это невольно возносило вождя к лику святых" (с. 395). Так и хочется воскликнуть: "Ну, к чему уж так, Дмитрий Антонович? Увеличили в полтора раза количество бюллетеней, да и какой пристрастный вывод сделали... Неужто не знаете, что во всех цивилизованных странах принято публиковать в печати бюллетени о состоянии здоровья своих великих сограждан, когда их жизнь находится в опасности?".

А неопровержимые факты, однако, свидетельствуют, что Владимир Ильич в первые дни после выстрелов Каплан находился на краю гибели. Профессор Розанов, прибывший для осмотра главы Совнаркома, нашел его почти без пульса: "Вся левая грудная полость плевры была заполнена кровоизлиянием настолько значительно, что сердце было оттеснено в правую сторону... оно тонировало только при прослушивании". А В. А. Обуху положение Владимира Ильича показалось безнадежным: "Необычайно слабая деятельность сердца, холодный пот, состояние кожи и плохое общее состояние как-то не вязались с кровоизлиянием... Было высказано предположение, не вошел ли в организм вместе с пулей какой-то яд".

И только после трехдневной интенсивной борьбы медиков за жизнь Ленина 2 сентября пульс у него снизился до 120 ударов в минуту, а температура — до 37,5 градуса. И врачи, по словам А. И. Ульяновой-Елизаровой, смогли обнадежить: "Если в ближайшие два дня не случится ничего неожиданного, то Владимир Ильич спасен". Разговаривать с больным не дозволяли. Однако в ночь на 3 сентября температура снова повысилась до 38,2 градуса, кровоизлияние в левую плевру продолжалось, а раны по-прежнему доставляли страдания. Лишь к вечеру 3 числа врачи заявили, что положение раненого "улучшается, а опасность, угрожавшая его жизни, уменьшается..." И, не взирая на все эти неопровержимые документы, Волкогонов, в угоду моде очернительства советской истории, повторяет ложь о якобы удовлетворительном состоянии здоровья Ленина после ранений.

С этих же позиций наш генерал, вслед за Е. Даниловым, фарисейски выражает "сомнение" в достоверности признания Каплан в том, что в Ленина стреляла именно она: "У Каплан было страшно плохое зрение: она ничего не видела даже вблизи" (с. 397). Но, во-первых, "архив КГБ" не дает поводов для такого сомнения. А, во-вторых, летом 1917 года Ф. Каплан сделали в Харьковской больнице операцию, после которой зрение позволяло ей свободно ходить по Москве, узнавать на митингах знакомых и т. п.

Впрочем, "известного историка" такие "мелочи" не интересуют. Ради поставленной цели он готов отбросить даже неоднократные

заявления самой террористки о том, что она вполне осознанно совершила покушение на Ленина. Более того: он использует их против самого Ленина, делая из показаний Каплан сногсшибательный вывод: "Именно это заставляет сомневаться в истинности этих слов. Не исключено, что "выстрелы Фани Каплан" являются одной из крупных мистификаций большевиков" (?!) (с. 397). Как говорится, что и требовалось доказать. И хоть бы один свежий "жареный" факт! Увы, опять — старая, протухшая утка из эмигрантской печати. Не приводя никаких доказательств в пользу своего "вывода", бывший политрук Советских Вооруженных Сил с серьезным видом приводит версию О. Васильева из "Независимой газеты" (1992, 29 августа), согласно которой, мол, и "покушения не было, а состоялась его инсценировка; роли были заранее распределены, и выстрелы были холостыми (!). "Ничего себе" (или покрепче), — воскликнет честный читатель. А Волкогонов эту бредовую версию называет... "смелым предположением". Вот так, ни больше — ни меньше.

Ну, а как тогда быть с тем фактом, что раненый истекал кровью, со свидетельствами врачей, которые осматривали Владимира Ильича и "видели (ощущали) пулю, находившуюся в шее" и т. д. Да, против фактов, как говорится, не попрешь. Тогда наш ученый вытаскивает из нафталина очередную потрепанную эмигрантскую байку и предлагает нам под видом собственного исследования: "Более реально предположить, что стреляла не Каплан. Она была лишь лицом, которое было готово взять на себя ответственность за покушение... Учитывая фанатизм и готовность к самопожертвованию, выработанные на каторге, это предположение является вполне вероятным". Эта голословная "вероятность" ничего общего не имеет с нормами научной публикации и яйца выеденного не стоит.

"Но главное — в другом, — продолжает твердить с чужого голоса Волкогонов. — Были уже сумерки революции (?!), и власти не были заинтересованы в тщательном следствии... Большевикам был нужен весомый предлог для развязывания не эпизодического, спонтанного террора, а террора масштабного, государственного, сокрушающего... Террор был последним шансом удержать власть в своих руках...". Пытаясь поконкретнее обличить спешку большевиков в ликвидации Каплан, Волкогонов делает натяжки. Так, напомнив читателям, что расстрел Каплан произошел 3 сентября, он говорит, что "неудачливая террористка" была расстреляна "через **три** дня после покушения". На самом же деле, возмездие наступило через **четыре** дня. Ну, а о самом терроре поговорим особо чуть ниже.

Жалкое впечатление производят потуги былого пропагандиста коммунистической этики использовать казнь Каплан для обвинения Владимира Ильича в жестокости и "циничной аморальности".

Делается это не на основе "архива КГБ", а с помощью книжонки о Ленине ренегатки А. Балабановой, изданной в ФРГ в 1959 году. Она, в частности утверждала, что по приезде из Стокгольма в Москву 30 сентября 1918 года имела встречу с Владимиром Ильичем и, когда зашла речь о судьбе эсерки, покушавшейся на его жизнь, то он якобы сухо бросил: "Центральный комитет решит, что делать с этой Каплан...". Волкогонов прекрасно понимает надуманность этого эпизода, ибо уже 5 сентября в "Правде" было опубликовано сообщение о казни Ка́план, тем не менее он использует и фальшивку Балабановой для обвинения Ленина, который, мол, своим "огромным рационалистическим умом, видимо, почувствовал промашку, не вмешавшись в решение судьбы женщины-фанатички. Спаси он ей жизнь, сколько бы ходило сусальных легенд! Этот фрагмент политического портрета Ленина важен для понимания ленинского прагматизма, переходящего в циничную аморальность" (с. 402). Цинично аморален, прежде всего, сам пасквилянт, осмелившийся на основе придуманной Балабановой сценки сделать уничижительные выпады против Владимира Ильича.

Но апогеем чудовищной наглости бывшего политрука является его солидарность со словами израильской антикоммунистки Доры Штурман, будто бы социальная этика Ленина "укладывается в роковую формулу Гитлера: "Я освобождаю вас от химеры совести" (с. 402).

Все творчество Волкогонова с начала 90-х годов говорит о том, что как раз он-то и является ярчайшим представителем "цинично-прагматической этики", который сам освободил себя от "химеры совести", беспардонно обливая грязью то, что еще так недавно непомерно славословил, сделав на этом головокружительную карьеру. Так еще в книге "Советский солдат", вышедшей в Политиздате в 1987 году, он с восторгом анализировал ленинскую речь на III съезде РКСМ. Теперь же, выслуживаясь перед "демократами", генерал-философ использует выдержки из той же речи Владимира Ильича для того, чтобы доказать его аморальность...

В десятках своих статей, брошюр и книг 1970—1990 годов Волкогонов писал, что интервенция Антанты и белогвардейский террор породили осенью 1918 года ответный — красный. Теперь же, вдруг "прозрев", он твердит обратное: еще, мол, до покушения на Владимира Ильича Советская власть прибегала к "массовым расстрелам" (с. 408). Причем, будто именно по требованию Ленина к моменту покушения на него на заводе Михельсона "террор ВЧК был уже феноменом, от которого леденело под сердцем". (Кстати, в зарубежном источнике, из которого заимствовано последнее выражение, говорилось чуть иначе: "леденело в душе").

Если бы Дмитрий Антонович дорожил репутацией ученого, то он постарался бы убедить читателя такими фактами, чтобы у того тоже "заледенело" в душе или под сердцем. Но и на этот раз гора родила мышь: автор не привел ни одного нового документа в пользу своей новой точки зрения.

Голословными и антисоветскими являются и волкогоновские заявления в конце 1-го тома его опуса о том, что "Архипелаг ГУЛАГ стал создаваться сразу после октябрьского переворота. Ленин был его главным архитектором и творцом... Для Ленина цель оправдывает средства. Любые... Большевикам не удалось сотворить Рай на Земле. Но создать Ад они сумели быстро" (с. 430). Опровергнуть эти злобные измышления лучше всего словами уважаемых Волкогоновым авторов, в первую очередь, характеристикой начала гражданской войны из книги "Ленин" американского публициста Л. Фишера: "Советская власть, когда пули Фанни Каплан повергли вождя, была окружена со всех сторон войсками обеих коалиций мировой войны и армиями русских противников большевизма... Интервенция, политические убийства и мятежи были связаны между собою, прямо являясь последствиями тайного сговора... 1 июля англичане и французы высадились в Мурманске. 6 июля был убит Мирбах (посол Германии. — Ж. Т.) и в Москве восстали левые эсеры. В тот же день правые эсеры под началом Б. Савинкова подняли мятеж в Ярославле... Через три дня такие же мятежи охватили Рыбинск, Арзамас и Муром... (и Симбирск — Ж. Т.). 1 августа произошла высадка союзных войск в Архангельске. 6 августа убит Урицкий и ранен Ленин". Белый террор не мог не вызвать ответного...

О. Лацис, выступая против попыток "демократов" считать Ленина зачинщиком сталинщины, отвечал им в январском номере "Коммуниста", за 1990 год почему именно Владимир Ильич не может быть признан таковым: "Да по той же причине, по какой человек, стреляющий на поле боя, признается солдатом, а затеявший стрельбу среди мирного города — преступником... Нельзя говорить о насилии большевиков при Ленине в отрыве от того факта, что они взяли власть в стране, втянутой в самое массовое насилие — мировую войну".

Анализ подглавки "Выстрелы Фани Каплан?" позволяют сделать следующие выводы. Волкогонов не привел ни одного факта из "архива КГБ", который позволял бы ему подвергать ревизии дело Каплан и делать спекулятивные заключения о том, что советская власть не может существовать без насилия и террора. Попытки же бывшего заместителя начальника ГлавПУРа Советских Вооруженных Сил выставлять большевиков зачинщиками террора в стране, а Ленина — творцом сталинщины и "главным архитектором" архипелага ГУЛАГ — это чудовищная ложь, на которую мог решиться только ренегат, освободивший себя от "химеры совести".

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ "КЛУБНИЧКИ"

Слухи, сплетни, анекдоты и легенды, злые и добрые, складываются вокруг имени каждого великого человека. Не мог стать исключением и Владимир Ильич, несмотря на то, что он вел, хотя и очень напряженный, деятельный, активный образ жизни, но скромный — по-существу, пуританский. Первая книга под завлекающим названием "Амурные секреты Ленина" вышла в Париже в 1933 году, но даже Н. Валентинов (встречавшийся в начале века в эмиграции с Владимиром Ильичем, но не принявший Октябрьской революции и осевший на Западе) писал об этом так: "За книгу многие ухватились, поверив, что у Ленина были интимные отношения с некоей Елизаветой К. — дамой "аристократического происхождения". В доказательство авторы приводили якобы письма Ленина к этой К. Даже самый поверхностный анализ названного произведения немедленно обнаруживает, что оно плод тенденциозной и очень неловкой выдумки".

Волкогонову знакомы эти строки из сборника "Встречи с Лениным" Н. Валентинова, но в сюжете "Инесса Арманд", помещенном во 2-м томе своей книги "Ленин", он, упомянув о Крупской и Арманд, как женщинах, к которым Владимир Ильич питал безграничную дружбу и абсолютное доверие, тут же запятнал репутацию великого человека: "Но были и другие, оставившие, видимо (?!), лишь мимолетный след в душе вождя: подруга Крупской, к которой он сватался в Петербурге, пианистка К., заворожившая его "Аппасионатой", французская "незнакомка", сохранившая его письма".

Я уже писал о том, что Владимир Ильич никогда не сватался к подруге Крупской (А. Якубовой) и доказал, что Волкогонов не имел никаких данных для подобного утверждения. Н. Валентинов же опровергал сплетню о связи с "К", а пресловутых ленинских писем к французской "незнакомке" так никто и не видел до сих пор.

Что касается Инессы Федоровны Арманд, то после того, как в 1952 году французский публицист А. Боди, ссылаясь якобы на слова А. М. Коллонтай, пустил слух в печати, что у Владимира Ильича была "секретная любовь" к Инессе, эта тема неоднократно обыгрывалась литераторами-антикоммунистами. Тот же Н. Валентинов, никогда не видевший Ленина вместе с Арманд, с ехидцей писал, что "Ленин был глубоко увлечен, скажем — влюблен, в Инессу Арманд... Влюблен, разумеется, по-своему, т. е., вероятно, поцелуй между разговором о предательстве меньшевиков и резолюцией, клеймящей капиталистических акул и империализм". Ну а новоявленный враг вождя Волкогонов с удовольствием смакует эту сплетню,

тщится выискать "клубничку" за строками переписки между Владимиром Ильичем и Инессой Федоровной и словно сожалеет, что самому не довелось что-то подглядеть через замочную скважину...

Впрочем, после появления в мартовской книжке "Русской мысли" (б. журнала "Коммунист") за 1992 год большого письма И. Арманд к Ленину (относящегося к 1913 году), из которого стало видно, что начиная с 1910 года она была влюблена во Владимира Ильича, Волкогонов полюбил заглядывать в публикации кандидата исторических наук А. Латышева, оперативно сочинившего статьи на тему "Возлюбленная Ленина", напечатанные в "Демократической газете" (1992, 4 апреля), "Досье" (1992, август) и "Российской газете" (1993, 9 декабря; 1994, 18 и 20 января).

Латышев — опытный историк, в свое время состоявший членом научного совета Центрального музея В. И. Ленина. Но после августовского "путча" 1991 года он превратился в "демократа", сочинителя небылиц про "аморального" Ленина. И тем не менее, несмотря на все ухищрения, ему так и не удалось доказать, что И. Арманд была любимой женщиной Владимира Ильича. Сознавая это, он уныло констатировал: "Не найдены письма Ленина к Арманд периода их близких отношений, которые по-видимому имели место короткое время осенью 1913 года. Очевидно, эти письма безвозвратно потеряны".

Дмитрий Антонович не только широко использует статьи А. Латышева в книге "Ленин", но и переписывает из них абзацы, причем ни разу не ссылаясь на автора (фамилии Латышева нет даже в "Указателе имен"), то есть совершает плагиат. Латышев же, как ни странно, безропотно согласился на этот интеллектуальный грабеж и удовлетворился тем, что генерал поставил в своей книге его фамилию как рецензента. Но обязанности такового если он и выполнял, то весьма странно.

В результате анализа документов, Латышев пришел к выводу, что близкие отношения между Владимиром Ильичем и Инессой Федоровной "**по-видимому, имели место короткое время осенью 1913 года**" (не разделяя мнения Латышева, подразумевающего под "близкими отношениями" нечто большее, чем теплые дружеские отношения между единомышленниками и товарищами по партии, я вместе с тем согласен с тем, что они имели место "короткое время осенью 1913 года").

Волкогонов же, беспардонно раздвинув неудобные для своей концепции латышевские временные рамки "близких отношений" между Лениным и Арманд ("короткое время осенью 1913 года"), выдвигает против Владимира Ильича, отличавшегося, по его же, Волкогонова, словам "от многих своих товарищей пуританской

сдержанностью", обличительный тезис: "И если бы не знакомство в начале 1910 года и его **связь на протяжении десяти лет** с одной, яркой во многих отношениях, женщиной-революционеркой, то вождь русской революции мог бы считаться просто образцовым мужем".

Не встретив должных возражений со стороны рецензента Латышева или по-барски проигнорировав его суждения, автор книги развивает свое надуманное "открытие" о десятилетней связи и хоть чем-нибудь тужится его подкрепить. Не привлекая каких-либо источников, он, как о чем-то установленном документально, пишет: "После знакомства с Арманд Ленин постоянно в контакте с этой женщиной. **Она переезжает вслед за семьей Ульяновых, всегда живет поблизости**, часто встречается с Лениным и Крупской, становится близким для них человеком. Инесса становится как бы неотъемлимым элементом семейных отношений. Ленин с Крупской в Париже — она там; Ульяновы в Польше — здесь же "русская француженка", конечно, она поблизости от них в Швейцарии" (с. 302).

Для того, чтобы читателю можно было самому судить о том, кого навязывают Ленину в "возлюбленные" и, главное, изобличить волкогоновские домыслы о 10-летней связи Владимира Ильича с Инессой Федоровной, вкратце очерчу основные вехи ее биографии и характер ее отношений с Ульяновыми.

Родилась она в 1874 году в Париже в актерской семье. Отец умер рано, оставив мать с тремя девочками. Старшую из них, Инессу, взяли на воспитание жившие в Москве бабушка и тетка — учительница музыки. Благодаря им, юная парижанка овладела в совершенстве русским и английским языками, игрой на рояле, увлекалась художественной литературой, историей и в 17 лет сдала экзамен на звание домашней учительницы.

Внешне привлекательная, остроумная, хорошо образованная, превосходная музыкантша, Инесса пленила сына фабриканта Арманда — Александра, образованного и честного человека, и стала его женой. Все сулило ей обеспеченную жизнь.

Однако нищета, безграмотность и бесправие фабричных рабочих поразили ее. Убедившись в тщетности благотворительности, Инесса, под влиянием марксистской литературы, которой ее снабжал младший брат мужа Владимир, становится членом социал-демократического подполья. Владимир Арманд был незаурядной личностью, редкой души человеком, и Инесса, мать четверых детей, влюбилась в него и покинула мужа. Зимой 1904 года она уехала в Швейцарию, где родила мальчика.

В период первой русской революции И. Арманд, будучи уже большевичкой, несколько раз подвергается арестам, а осенью 1907 года ее ссылают в Архангельскую губернию. Туда же приехал и

Владимир Арманд, но, заболев туберкулезом, вернулся в Москву. В ноябре 1908 года Инесса бежала из ссылки, а в январе 1909 была уже в Швейцарии с больным Владимиром, но тот вскоре скончался.

Пораженная горем, Инесса 4 месяца живет в маленьком французском городке, затем осенью 1909 года поступает в Брюссельский университет, а через год поселяется в Париже, где она знает почти всех большевиков. Ум и энергия, идейная стойкость, целеустремленность, пренебрежение к материальным условиям жизни предопределили доверие товарищей, и она была избрана в президиум большевистской группы и членом Комитета заграничных организаций. Урывками от партийной работы Инесса слушает лекции в Сорбоннском университете. В ее квартире было постоянно много народа. Одни приходили по делам, другие — отдохнуть и послушать музыку. Стали заходить сюда и Владимир Ильич с женой. В свою очередь Инесса Федоровна наведывалась к Ульяновым и, по словам Надежды Константиновны, "стала близким" им человеком. Летом 1911 года она вместе с Г. Зиновьевым, А. Луначарским и другими деятелями преподает в школе партийных работников, организованной Лениным в Лонжюмо, в 18 километрах от Парижа.

Летом 1912 года, по ленинской рекомендации, ЦК партии направил И. Арманд в Петербург (по паспорту на имя Ф. Янкевич) на подпольную работу. Но через два с половиной месяца она была арестована и больше полугода отсидела в одиночке петербургской тюрьмы, пока Александр Арманд не внес залог в 5000 рублей, чтобы ее выпустили до суда на волю и она могла бы лечить начавшийся туберкулез легких. Весну и лето Инесса Федоровна провела с детьми на кумысе в Ставрополе на Волге.

Жертвуя залогом, она тайно переходит границу и в конце сентября 1913 года появляется в деревне Белый Дунаец (около станции Поронин, в Галиции, входившей тогда в Австро-Венгрию), где под руководством Ленина проходило совещание партработников. После его окончания Ленин с женой и Арманд еще неделю находились в деревне, чтобы немного отдохнуть: Владимира Ильича донимали бессоница и головные боли, Надежде Константиновне было необходимо набраться сил после недавно перенесенной тяжелой операции щитовидной железы, а для болезни Инессы Федоровны свежий горный воздух был настоящим лекарством.

В начале октября все они переехали в Краков. Но не успели Ульяновы обустроиться в нанятой квартире — эпидемия инфлюэнцы свалила с ног Владимира Ильича. Как только он окреп, вылазки втроем на лоно природы возобновились, за что товарищи шутливо окрестили их "партией прогулистов". Инесса Федоровна, воспользовавшись своеобразным отпуском, много читала, играла на рояле,

сагитировала Ульяновых сходить на концерты музыки Бетховена, вслух строила планы издания женского журнала для работниц. Квартировала она у той же хозяйки, что и семья Каменевых, но бывала чаще всего у Ульяновых, где к ней "очень привязалась" (выражение Крупской) и Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны, с которой было о чем поговорить и ...покурить. А вот это зелье Арманд было категорически противопоказано, ибо с наступлением слякотного ноября опять обострился туберкулез. Здоровье ее внушало опасения у товарищей, и Владимир Ильич приложил немало усилий, чтобы убедить ее немедленно отправиться на лечение в Арозу (Швейцарские Альпы), идеальное место для лечения легочных больных.

И вдруг, числа 18 декабря 1913 года, в Краков пришла телеграмма из Парижа, где уже обосновалась Арманд, а чуть позже — и то сенсационное письмо, которое дало пищу любителям "клубнички", а латышевым и волкогоновым помогло громогласно и со злорадством объявить Инессу Федоровну "возлюбленною Ленина". Остается познакомить с основным содержанием этого письма и читателя.

"Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н. К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и надежность. В Париже я очень полюбила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сидишь около ее стола — сначала говоришь о деле, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее. Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н. К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень (1911 г. — Ж. Т.) в связи с переводами и пр. я немного

попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал".

Далее идет несколько страниц, посвященных жизни и смерти ее подруги Тамары и вопросы к Владимиру Ильичу, о чем можно говорить в Комитете заграничных организаций, и "чего говорить нельзя...". И только последние строки письма снова приобрели интимный характер: "Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н. К., брату, Зине (жене Г. Зиновьева. — Ж. Т.). Неужели никто ничего не получил? Крепко тебя целую. Твоя Инесса".

"Едва ли стоит комментировать это письмо, — небрежно заключает Волкогонов. — Оно в высшей степени красноречиво".

Стоит, Дмитрий Антонович, стоит! Да, бесспорно, что первая часть послания Арманд — это действительно так называемое "любовное" письмо. Из признаний Инессы Федоровны видно, что первый период знакомства ее с Владимиром Ильичем, когда она еще не была влюблена в него, она просто благоговела и робела перед ним, а он, кстати, и не замечал этого. Только за лето 1911 года, проведенное в Лонжюмо, и затем в следующую осень в Париже, в связи с переводами ею ленинских текстов, она "немножко привыкла" к нему. Следовательно, кульминационным периодом их сближения могло быть короткое время встреч и совместного проведения досуга в Поронине и Кракове осенью 1913 года. Общение их в течение двух месяцев, происходившее, заметим, в период, когда у Арманд нарастал туберкулезный процесс, Н. К. Крупская была после операции, а Владимир Ильич переболел энфлюэнцой, вылилось в прогулки втроем на свежем воздухе, так необходимые им всем.

Судя по письму, даже и в этот период чувства Инессы Федоровны к Владимиру Ильичу ограничивались платонической любовью. Ибо письмо, написанное уже **после** всех периодов их тесного общения, после всего того, что могло быть близкого между ними, после фактического расхождения их личных дорог, подытоживая суть их отношений, только теперь и явило собой признание в любви, причем признание — трепетное, чистое, без надежды... ("Я бы **и сейчас** обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому не могло бы причинить боль"). Если "**и сейчас**" обошлась бы без поцелуев,

значит, **и раньше** их не было? Значит, это признание в любви было сделано **после того, чему не суждено было сбыться**.

А что Владимир Ильич? Несомненно, что он очень ценил ум и способности Арманд, доверял ей сложную и ответственную партийную работу и после четырехлетнего знакомства с ней уважал и любил, как преданного друга, интересную, эрудированную и веселую собеседницу, отличную музыкантшу. Не обошло стороной и ее женское обаяние. Но, как только почувствовал глубоко неравнодушное отношение к себе Инессы Федоровны, он, предотвращая драматическое развитие событий, дипломатически "провел расставание" — отправку ее на лечение в Арозу. Что же касается "письменных" поцелуев, то они шли только с ее стороны и, по всей видимости, и оставались только "письменными". В письмах же Владимира Ильича к Арманд не было ни одного поцелуя, а после "проведенного" расставания он вскоре даже переходит в переписке на "Вы", четко ограничив рамки их отношений. Вот и все.

Не исключено, что и от Надежды Константиновны не ускользнуло невольное благоговейное чувство влюбленности Инессы Федоровны к Владимиру Ильичу. Но ее доверие и такт по отношению к близким людям предоставили возможность мужу самому разобраться в возникающей ситуации и принимать решения. А он "провел расставание". Если бы все это было не так, то могла ли бы в эти самые дни продолжаться дружеская переписка между двумя женщинами-"соперницами"? И оставила ли бы Надежда Константиновна столь теплые воспоминания об И. Арманд, если бы хоть тень обмана или пошлости коснулась ее женского достоинства?

Упрямо навязывая читателю свою обывательскую точку зрения, Волкогонов пытается подкрепить ее купюрой из письма Владимира Ильича из Цюриха от 13 января 1913 года к И. Арманд, проживавшей в Кларане, которую (купюру) он, мол, выявил в архиве: "После слов "Дорогой друг!, — изъята фраза: "Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, что я никак не могу прийти в себя..." Дальше в том же духе".

Поразительна наглость, с какой Дмитрий Антонович бахвалится находкой: ведь эта купюра была 20 января 1994 года опубликована в "Российской газете" А. Латышевым! Мало того, что генерал присвоил чужой труд, он еще опустил ленинские слова: "Хочется сказать хоть что-либо дружеское и усиленно попросить Вас не сидеть почти в одиночестве, в местечке, где нет никакой общественной жизни, а поехать куда-нибудь, где можно найти новых и старых друзей, встряхнуться".

Но это не все. Обкарнав выявленную Латышевым купюру, Волкогонов без всяких оснований домысливает: "Ленину — пуританину по натуре в семейных отношениях, видимо, очень нелегко давалась эта связь, далеко вышедшая за границы простой дружбы. А Арманд, привыкшей (откуда все это известно? — Ж. Т.) отдаваться своему чувству без остатка и ограничений, была невыносима роль тайной "подруги" Ленина" (с. 305). Все это — плод больного воображения Дмитрия Антоновича, как и его голословные утверждения о существовании десятилетней "связи" между Лениным и Арманд, или то, что "русская француженка" все время переезжала вслед за Ульяновыми. Пытаясь как-нибудь доказать, что и в советское время чувства Арманд и Ленина друг к другу "не угасли", Волкогонов приводит пример того, как Владимир Ильич "напоминал о себе нежной, но весьма странной для вождя заботой: "Тов. Инесса! Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать. Пишите, как здоровье. Что с Вами? Был ли доктор? Привет! Ленин". Опираясь на эту "улику", доктор философии изрекает: "Ни для Бош, Коллонтай или Фотиевой он не пытался достать калоши...". Ничего не скажешь — веское доказательство любовной связи... При этом не гоже ученому снова и снова обманывать читателей, уверяя, что и это письмо обнаружено в архиве: ведь оно было опубликовано в январской книжке "Известий КПСС" за 1989 год! И этично ли ставить в вину заботу о здоровье больной туберкулезом женщины, старому товарищу по партии, когда в Москве стояла слякоть, свирепствовали сыпняк и энфлюэнца?

К сожалению, Инесса Федоровна не научилась беречь себя. Ухаживая в пути с Северного Кавказа за больными товарищами, она заболела холерой, и 24 сентября того же 1920 года, на 47-м году жизни, смерть сразила пламенную большевичку. Похоронили ее 12 октября у Кремлевской стены. Среди венков был большой из живых белых цветов с надписью на траурной ленте: "Тов. Инессе — от В. И. Ленина". И неужели волкогоновым не ясно, что если бы такой проницательный человек, как Владимир Ильич, чувствовал за собой хоть какой-то моральный "грех" и что своей единоличной подписью может дать хоть какой-то повод для пересудов, то, наверное, воспользовался бы прекрасной возможностью на всякий случай закамуфлировать свои отношения с Арманд двумя подписями — своей и жены, что всеми было бы принято как само собой разумеющееся, ибо Н. К. Крупская сама была известным партийным деятелем, близким соратником и товарищем И. Арманд.

ЗЛОБНЫЕ ВЫМЫСЛЫ О ВОЖДЕ-"АНТИХРИСТЕ"

За два десятилетия службы в ГлавПУРе, работавшем на правах отдела ЦК КПСС, генерал-философ постоянно занимался антирелигиозной пропагандой. Воинствующим атеизмом пронизано все его творчество, причем он не стеснялся критиковать деятелей и с мировым именем. Так, в учебном пособии "Воинская этика", сочиненном для слушателей и курсантов военно-учебных заведений (М., 1976), Волкогонов, опираясь на труды Ленина, подвергал критике Ф. М. Достоевского за увлечение "феодально христианским социализмом", Л. Н. Толстого — за "религиозную проповедь морального самоусовершенствования", а "философа-идеалиста и мистика В. С. Соловьева" — за разработку "реакционной религиозно-эстетической системы".

Высоко оценивая действенность атеистической работы, проводившейся под руководством КПСС, Дмитрий Антонович в своей книге "Психологическая война" (М., 1984) с удовлетворением отмечал: "В социалистическом общественном сознании удельный вес и значимость религиозных идей, взглядов все более уменьшается по мере дальнейшего упрочения материалистического мировоззрения... Новый мир, используя свободу совести, чужд религиозной нетерпимости, которую пытаются приписывать социализму его классовые враги".

Перебежав в 1990 году в стан лжедемократов, он всячески стремится замолить былые "грехи" своей антирелигиозной пропаганды и на вопрос одного из журналистов, верит ли он в Бога, отвечает: "Я христианин (жаль, что не сказано — с каких пор. — Ж. Т.), и этим многое сказано". Что ж, новый ветер — поворачивай паруса. И Дмитрий Антонович теперь направляет вектор своего усердия в противоположную сторону. В качестве начальника Института военной истории он даже подписал обращение к "высшим церковным властям с предложением причислить к лику святых Ивана Сусанина. — Канонизировали же князей Дмитрия Донского и Дмитрия Пожарского! Надеюсь, нас поддержат" (Неделя, 1990, № 26). Апогеем же метаморфозы сановного политрука стало его заявление со сцены Ленинградского концертного зала: "Ленин причастен к террору... Я даже знаю один документ, где он приказывает докладывать ему еженедельно, сколько расстреляно попов" (Волжские вести, 1991, № 18).

Я тогда же расценил это утверждение как злобную антиленинскую утку, ибо знал, что такого документа нет в архивах, как не происходили в жизни и еженедельные расстрелы служителей куль-

та. В этом я окончательно убедился, прочитав во 2-м томе сборника "Ленин" подглавку "Ленин и церковь": там и в помине нет такого "документа"... Как нет и волкогоновского извинения за свое громогласное и преступное вранье. Зато каждая страница подглавки усеяна досужими домыслами и вымыслами о Владимире Ильиче, вроде: "Он сам поразительно легко, без видимых мучений, сомнений, переживаний порвал с религией, так никогда и не погрузившись в ее лоно. Ранние увлечения материалистическими учениями сделали его переход от полуверы (в школьные годы) к неверию легким и незаметным".

Убежден, что Волкогонов не сумеет вразумительно пояснить, что значит "погрузиться в лоно религии". И нет такого исторического источника, который свидетельствовал бы о том, что у В. Ульянова была "полувера", от которой он якобы легко и незаметно перешел к неверию. Я, автор книг о гимназических годах Владимира Ильича, твердо уверен, что его разрыв с религией произошел не только после знакомства с материалистическими учениями, но и в результате долгих и мучительных раздумий над окружающей действительностью — о тщетности обращений за помощью к всевышнему людей, угнетенных социальной несправедливостью, нападках церковников на народную школу, руководимую отцом, о пьянстве и поборах, которыми нередко занимались служители культа. Росту неверия способствовали схоластическое преподавание закона божьего в гимназии, заключавшегося в зазубривании сухих и трудных учебников, суровость наказаний, которым директор Ф. М. Керенский подвергал учеников, уклонившихся от посещения богослужений и т. п.

Переход к неверию, вопреки представлениям Дмитрия Антоновича, не был "легким и незаметным" еще и потому, что закон божий и богословие являлись обязательными предметами не только в гимназиях, но и в высших учебных заведениях. Поэтому В. Ульянову довелось сдавать выпускной экзамен по закону божьему в гимназии, изучать в 1887 году богословие в Казанском университете и сдавать испытания по церковному праву в Петербургском университете в 1891 году.

Еще один пример легковесных суждений автора. Он утверждает, что Владимир Ильич в своей жизни "имел достаточно близкие связи с одним священником... — Георгием Гапоном".

Да, действительно, в начале первой русской революции Владимир Ильич получил от Гапона "Открытое письмо к социалистическим партиям России" с призывом немедленно войти в соглашение между собой и приступить к подготовке вооруженного восстания против царизма, а также "Воззвание Георгия Гапона к петербург-

ским рабочим и ко всему российскому пролетариату". Присутствовал и на конференции российских социалистических организаций, созванной Г. Гапоном 20 марта 1905 года в Женеве, но, убедившись, что конференция является "игрушкой в руках с.-р. (эсеров. — Ж. Т.)" и что рабочие партии на нее не приглашены, Владимир Ильич покинул конференцию. Эти и некоторые другие факты говорят лишь о том, что Гапон неоднократно обращался к Ленину, но тот не имел каких-то "близких связей" с ним и избегал встреч.

В завершение разговора о погружении в "лоно церкви" замечу, что Владимир Ильич и в юности, и в зрелые годы никогда не позволял себе подтрунивать или насмехаться над чувствами верующих и старался соблюдать все правила приличия по отношению к установленным законом религиозным обрядам. Так, находясь в ссылке в деревне Кокушкино Казанской губернии, он в 1888 году, по просьбе крестьянской семьи, присутствовал в церкви в качестве восприемника их дочери. Обязанности "крестного отца" он выполнял и позже, когда находился под гласным полицейским надзором в Самарской губернии.

"Известный историк" полагает, что "Ленин не оставил глубоких трактатов о месте и роли религии в человеческом обществе" и ограничился "пропагандистскими памфлетами "Социализм и религия", "О значении воинствующего материализма", некоторыми партийными указаниями в программных документах". Если бы автор с большей ответственностью относился к тому, что он пишет, то должен был бы упомянуть хотя бы книгу "Материализм и эмпириокритицизм" Ленина и его статьи о Л. Толстом и толстовщине, о богостроителях и богоискателях, "Об отношении рабочей партии к религии".

Еще большему диву даешься, когда Дмитрий Антонович излагает "взгляды" Ленина на религию. Не уважая свои докторские звания и читателей, он заявляет, что Владимир Ильич якобы **не признавал свободу веры**, ибо видел в религии "один из видов духовного гнета", и без обиняков повторял классический марксистский тезис: "Религия есть опиум народа". Но это тоже явная ложь. Еще в статье "Социализм и религия" (1905 г.) Владимир Ильич выдвигал требование свободы совести в качестве одного из важнейших: "Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом...". Этот политический лозунг был воплощен в декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви, опубликованном в печати 26 января 1918 года, и обеспечил всем гражданам свободу совести.

Декрет не содержал ничего дискриминационного по отношению к православной церкви, но поместный Собор 1917—1918 годов,

вслед за патриархом Тихоном, призвал верующих всячески противодействовать правительственному декрету. И уж сугубо политические цели преследовал сам патриарх, осудив заключение Совнаркомом Брестского мира. Только осенью 1919 года вышло его послание к духовенству с указанием "уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях", "повиноваться начальству в делах мирских".

Волкогонов совершенно не затрагивает отношения Советской власти с церковью в 1917—1920 годах и перескакивает к голоду 1921—1922 годов, когда требовалась немедленная помощь миллионам голодающих Поволжья и других районов страны.

Среди трудящихся и низшего духовенства возникло движение за изъятие части церковных ценностей, накопленных трудом многих поколений и являвшихся фактически достоянием народа. Учитывая эти пожелания летом 1921 года, патриарх Тихон (на этот пост, упраздненный Петром I, он был избран Собором 5 ноября 1917 года) разрешил верующим использовать часть храмовых "драгоценных вещей" на помощь голодающим.

Однако дарение этих ценностей шло вяло, Запад предлагал зерно только за золото, а голод зимой принял катастрофические размеры, и движение за пожертвование храмовых драгоценностей резко возросло. Вот как выглядело в связи с этим воззвание протоиерея симбирской Троицкой церкви А. Гневушева, появившееся 4 февраля 1922 года в газете губисполкома "Экономический путь".

Напомнив, что советская власть оказывает помощь голодающим Поволжья, протоиерей заявил, что она "не может исчерпать до дна безмерно-глубокую чашу свалившегося на нас бедствия. Между тем в монастырях и храмах Божиих имеется не малое скопление золота и драгоценных камней, которые можно было бы употребить на богоугодное дело, спасение гибнущих от голода. Святители наши, заступники и печальники за нас пред Престолом Всевышнего не нуждаются в золоте и драгоценных украшениях, в изобилии хранящихся в наших церквах. Поднимите свой голос, о благочестивые прихожане, во имя изъятия и употребления их на дело питания голодающих".

Учитывая голос народа, патриарх Тихон 6 февраля 1922 года обратился с новым воззванием к верующим, в котором допускал "возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим".

С учетом этого послания ВЦИК 23 февраля издал декрет, предлагавший местным Советам в месячный срок изъять из "церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, **изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа**, и передать их в органы Наркомфина в специально назначенный фонд Центральной комиссии помощи голодающим" (Известия, 1922, 26 февраля).

Текст декрета согласовывался с представителями патриарха, но когда начался процесс изъятия части церковных драгоценностей, он разослал 28 февраля конфиденциальное воззвание, которое вело к конфронтации с властями: "Мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство, мирянин — отлучением от нее, священнослужитель — извержением от сана". Это было какое-то недоразумение, ибо декрет ВЦИКа и не предусматривал изъятия ценностей, которые были необходимы "самому культу", и местные советы продолжили сбор драгоценностей в храмах.

Таковы факты. Но Волкогонов безбожно извращает историю и пишет, что декрет ВЦИК от 23 февраля ориентировал власти на "**насильственное изъятие из российских церквей всех ценностей**". Причем, по его словам, делалось это, мол, по-варварски: "Партийные организации, ГПУ, специально создаваемые отряды врывались в храмы, зачитывали декрет ВЦИК и требовали добровольной сдачи всех ценностей. Служители культа готовы были отдать все, за исключением священных атрибутов церкви. Местные безбожники, отстранив священников, а часто и арестовывая их, собственными силами проводили "полные" конфискации. То был форменный неприкрытый грабеж, в котором широкое участие приняли и деклассированные элементы" (с. 207).

Все это — плод злобного вымысла автора и поэтому он не делает ни одной ссылки на источники, зато достоверно известно, что А. И. Ульянова-Елизарова пожертвовала в фонд помощи голодающим Поволжья фамильное серебро, а Владимир Ильич — свою гимназическую золотую медаль. Сдавали драгоценности (если они были) почти все партийные и советские активисты, в том числе и сотрудники ГПУ. Далее. В революционной действительности 1922 года выполнение декрета ВЦИК производилось комиссиями, созданными при исполкомах Советов депутатов трудящихся. Они через местную прессу заранее извещали день и часы своего прибытия в каждый из храмов и приглашали верующих назначать представителей для совместных действий. Так поступала и уездная комис-

сия в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии. 9 марта 1922 года она закончила изъятие ценностей в трех церквах города, и, как сообщалось в "Известиях", "в полном согласии с представителями верующих и без единого протеста. В следующую очередь был поставлен соборный храм, и общине верующих было предложено назначить своих представителей для работы с уездной комиссией".

Но с этим-то соборным храмом и связано "ЧП", о котором узнала вся страна. В воскресенье 12 марта здесь состоялось собрание верующих, которое избрало представителей, но кучка несогласных (из 17 человек) встречает комиссию бранью, раздает им "тычки и удары", избивает лиц, протестующих против хулиганства. Желая избежать столкновения, комиссия отложила работу до среды 15 марта, но и на этот раз ее встретила у храма хулиганствующая толпа с угрозами. В подъехавших 6 конных милиционеров полетели камни, поленья. Набатный звон, продолжавшийся полтора часа, собрал на площадь "все годные для погрома силы и массу любопытных".

Для наведения порядка прибыли полурота 146 пехотного полка, а также два автомобиля с пулеметами. Но толпа окружила красноармейцев, пытаясь их разоружить, раздались по ним револьверные выстрелы. "Имея перед собой много случайных лиц, — сообщалось в "Известиях", — любопытных, женщин и детей, красноармейцы по команде начальника стреляют в воздух и затем пробиваются из толпы, подвергаясь насилию со стороны черносотенцев, оттираются толпою и подвергаются жестоким избиениям... После первых выстрелов со стороны войск толпа разбегается...". На площади остались 4 трупа. Раненых и ушибленных оказалось 10 человек — все "раны легкие, с застрявшими в мягких частях пулями, от рикошета из револьвера. Из револьверов стреляли черносотенцы из толпы". Вечером того же дня представители верующих сдали в уездный исполком 3,5 пуда серебра, а через неделю комиссия, вместе с пятью представителями верующих, получила в соборе еще около 10 пудов ценностей, из которых серебро осталось в уездном финотделе, а "драгоценные камни, жемчужные ризы и т. д." — отправлены в Госхран.

Как же реагировал Владимир Ильич на события в Шуе? Фантазия Волкогонова рождает такую картину: "Ленин пришел в сильное возбуждение. Обычно он умел держать себя в руках. Теперь же он, по имеющимся данным (каким? — Ж. Т.), метал громы и молнии, но затем успокоился. Он понял, что получил великолепный повод покончить одним ударом с этой "камарильей". Кто-кто, а Дмитрий Антонович знает, что поводов и раньше имелось немало, ибо клерикалы предавали анафеме Советскую власть, осуждали заключение Брестского мира, поддерживали белогвардейские мятежи и т. п.

Ведает автор книги о Троцком, что Всероссийскую комиссию по учету драгоценностей с 1921 года возглавлял никто иной, как его герой, Лев Давыдович, который и представил 9 февраля 1922 года во ВЦИК предложения об изъятии ценностей из культовых зданий для помощи голодающим. А в середине марта он внес в Политбюро партии план решительных действий по претворению декрета ВЦИК в жизнь.

Владимир Ильич, в связи с ухудшением своего здоровья, с 6 марта отдыхал в подмосковном селе Корзинкине. В письме Е. С. Варге от 9 марта он с горечью сообщал: "Я болен. Совершенно не в состоянии взять на себя какую-либо работу" (ПСС, т. 54, с. 203). Но за обстановкой в стране, которая из-за голода и вылазок контрреволюционеров оставалась тревожной, он следил внимательно. Знал и о послании патриарха Тихона, и о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету ВЦИК и, не без влияния Троцкого, расценил события в Шуе как прелюдию к столкновению вокруг церковных ценностей во всероссийском масштабе.

Вот, в такой обстановке, в канун намеченного на 20 марта обсуждения в Политбюро событий в Шуе, родился документ, который "демократы" называют "страшным письмом Ленина". Как это ни странно, но оно, с благословения М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева, было опубликовано в момент празднования 120-й годовщины со дня рождения Ленина в апрельской книжке "Известий ЦК КПСС" за 1990 год. Строго говоря, это не "письмо" и не "наброски письма", как пишет Волкогонов, а телефонограмма на имя В. М. Молотова за подписью "Ленин", которую приняла по телефону и отпечатала на пишущей машинке дежурная секретарша М. Володичева. Ни оригинала, ни черновиков этого текста никто не видел и В. Дьячков ("Советская Россия", 1992, 1 октября) даже предположил, что этот машинописный текст — фальшивка.

Но пока будем считать, что это — документ. В нем, действительно, есть места, которые можно расценить как проявления беспощадной решительности главы правительства в противоборстве с противниками Советской власти. Суть его предложения по событиям в Шуе сводилась к посылке туда представителей ВЦИК для расследования, а затем и ареста "нескольких десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей". Судебный же процесс "против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим", должен закончиться "расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров".

В конце телефонограммы автор поручил В. Молотову разослать эти соображения "членам Политбюро вкруговую сегодня же (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас же по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основою каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия".

Молотов не передал в тот же день телефонограмму членам Политбюро. Не говорилось ничего об этом и на заседании Политбюро 20 марта. Такое могло случиться только в том случае, если Владимир Ильич сам распорядился не давать ходу своим предложениям. Само собой разумеется, что их содержание тем более не дошло до провинциальных руководителей.

Волкогонов же, как заядлый фальсификатор, пишет, что эту "страшную директиву Ленина" Политбюро обсуждало несколько раз, и вскоре повсеместно началось массовое насилие против церкви и ее служителей: "По всей стране начались фактически военные экспедиции против храмов, духовенства. Грабили не только православные соборы, но и еврейские синагоги, мусульманские мечети, католические костелы. По ночам в подвалах ЧК или в ближайшем лесу трещали сухие револьверные выстрелы. Священников, активных верующих закапывали в балках, оврагах, на пустырях. Над Россией замолк колокольный звон".

Но сам-то автор смог привести в качестве примера только один, причем широко известный по газетным отчетам 1922 года судебный процесс, в Москве, на котором были приговорены к смертной казни 11 священнослужителей и граждан за организацию антисоветских выступлений. Шестерых из них президиум ВЦИК помиловал.

Еще в 1990 году я выяснял, как именно происходило изъятие церковных ценностей в Симбирске и губернии, сколько служителей культа было репрессировано в 1922 году. Архивные документы свидетельствуют, что ни одного случая столкновения духовенства с властями здесь не имело места. Ни один служитель культа не только не был расстрелян, но и не заключен в тюрьму, хотя на двух судебных процессах были установлены случаи пропажи драгоценностей, числившихся в церкви и синагоге. Виновные — священник и раввин — отделались условным заключением.

Несмотря на все потуги Волкогонова доказать, что при Ленине началось массовое закрытие и разрушение культовых построек, он так и не смог подтвердить это каким-нибудь документом. Что касается Симбирска—Ульяновска, то из архивных документов видно, что в первые годы советской власти была осуществлена мера, предлагавшаяся эсерами еще до Октябрьской революции — ликвидация монастырей и домовых церквей. Смоленская церковь была

приспособлена для детского приюта. Закрытие же церквей в Ульяновске происходило уже после смерти Ленина, с конца 20-х годов: Александровская (на территории областной больницы), Троицкая и Петропавловская — в 1929 году, Германовская — в 1931-м, Вознесенский собор, Богоявленская церковь и Покровский монастырь — в 1932-м и т. д. (ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 234 и др.).

В конце подглавки новоявленный христианин и историк, проклиная атеизм большевиков, приписывает Владимиру Ильичу "роль **Антихриста** XX века". Тут невольно припоминаются слова публициста Л. Оникова о том, что, опубликовав снимок Ленина — "обезумевшего от неизлечимой болезни человека", Волкогонов "поступает как **антихрист**" ("Правда", 1994, 20 августа). В заключение же приведу высказывание патриарха Тихона вскоре после смерти Ленина, напечатанное в "Пролетарском пути" (органе Симбирского губкома РКП и губисполкома) от 27 января 1924 года. Газета сообщала: "В беседе с представителем печати бывший патриарх Тихон заявил, что Ленин не был отлучен от православной церкви, поэтому всякий верующий имеет право и возможность его поминать. Хотя, сказал Тихон, мы идейно расходились с Лениным, я имею сведения о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души".

Само собой разумеется, что в книге Волкогонова этой высокой оценки нравственного облика большевистского лидера одним из руководителей православной церкви не нашлось места, ибо она явно противоречит злобной и нелепой выдумке о вожде-антихристе.

ЧТО НИ СЮЖЕТ — ЛОЖЬ ДА НАВЕТ

Многократные заверения Волкогонова о том, что "политический портрет" Ленина написан им в основном на новых документах и что читатели познакомятся с "неизвестным" Лениным — это всего лишь похвальба, рассчитанная на доверчивых простаков. Строго говоря, он создал-таки "неизвестного Ленина", наделив его как человека, политического руководителя и мыслителя многими отрицательными качествами. Грубой фальсификации подверглись деятельность большевистской партии и советских органов власти, да по существу все основные вехи истории, начиная с победы Октября в 1917 году. О лживом характере его суждений, оценок и выдумок говорилось в предыдущих главах, но для разбора всего того, что еще нагорожено в двухтомнике, потребовались бы тоже тома. Поэтому остановлюсь лишь еще на некоторых из них, чтобы рельефнее показать хамелеон-

скую натуру сановного автора и жульнические приемы сочинения негатива о Владимире Ильиче.

Еще В. Солоухин в памфлете "Читая Ленина" ерничал по поводу того места из мемуаров Н. К. Крупской, где она рассказывала об одном из охотничьих эпизодов Владимира Ильича в Шушенском так: "Поздней осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед) ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники". "Крупская явно подает эти охотничьи детали как доблести Ильича, от которых сегодня, право, становится как-то не по себе", — изрекает Дмитрий Антонович. Пожалуй. Однако, неловко чувствовать должен бы, в первую очередь, он себя сам, ибо утаил от читателя, что, не упоминая В. Солоухина, приписывает себе его мысли. Совершая, по существу, плагиат, генерал, как и поэт, при этом "не заметил" в воспоминаниях Крупской эпизод, приводимый ею **сразу же** после предыдущего. Как-то на охоте, уже в Москве, устроили так, что лиса выбежала прямо на Ленина, постояла с минуту и повернула в лес. На вопрос: "Что же ты не стрелял?" последовал ответ: "Знаешь, уж очень красива она была". Настоящий историк должен был бы учитывать и то, что в лодке на охоте за зайцами в Шушенском находилось три—четыре человека и что Крупская бесхитростно повторила в воспоминаниях обычные в охотничьих рассказах преувеличения при оценке размеров добычи (см. Мельниченко В. Драма Ленина на исходе века. М., 1992, с. 24).

Азартным охотником Владимир Ильич никогда не был. Так было и в 1888 году, когда он, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, сказал Анне Ильиничне: "А нам нынче заяц дорогу перебежал". На что старшая сестра шутливо заметила: "... Это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился".

Комендант Кремля П. Д. Мальков, вспоминая о воскресных вылазках с ружьем главы Совнаркома, подчеркивал: "Прогулка — вот что было для него главным. Он не стремился настрелять как можно больше дичи. Нередко возвращаясь с охоты с пустыми руками, Владимир Ильич был весел и доволен. — Воздух, воздух какой чудесный! — говаривал он. — Побудешь пару часов в лесу, надышишься на целую неделю!" (Ленин. У руля страны Советов. Т. 2. М., 1980, с. 85).

Теперь о другом. Во время жизни в Саратове, зимой 1912 года, Мария Александровна послала Владимиру Ильичу с женой и тещей в Париж "домашние гостинцы", и в числе их "рыбу, икру и балык". Сын горячо благодарил за деликатесы, лакомясь которыми они вспоминали Волгу. А в конце года, уже из Кракова, он осмелился попросить родных о присылке таких же гостинцев. Когда же они

прибыли, Владимир Ильич, поблагодарив мать и старшую сестру от имени "всех", добавил: "Надя прямо сердита на меня, что я написал "по поводу рыбы", про сласти и что наделал вам кучу хлопот... Пошлина здесь на рыбное невелика, а на сласти порядочная. Вот теперь мы "новый год" еще раз будем праздновать!" (ППС, т. 55, с. 335). Надежда Константиновна отдельным письмом тоже поблагодарила свекровь и Анну за подарки, но сочла нужным добавить: "только больно уж все роскошно, мы совсем так не привыкли как-то. Сегодня Володя позвал знакомых по случаю посылки...".

Из переписки ясно видно, что Ульяновы лишь дважды получали рыбные деликатесы из России, что они "совсем не привыкли" к таким роскошным гостинцам и спешили поделиться ими со знакомыми. Волкогонов же, зная об этом, бессовестно лжет, уверяя читателей, что Владимир Ильич "любил поесть" (это при его-то пуританском характере, при его-то комплекции, с его-то гастритом) и "мать в больших количествах (?) слала ему за границу балык, семгу, икру" (т. 2, с. 262).

Омерзительно читать неоднократно повторяющуюся в книге ложь о том, что Владимир Ильич якобы "любил отдохнуть" и "чаще других членов Политбюро брал неделю-другую для отдыха... Даже в ходе гражданской войны и тем более после отдыхал по нескольку раз в год" (там же). А ведь еще три года назад Волкогонов упрекал соратников Владимира Ильича за то, что они не берегли Ленина и позволяли ему брать на себя различного рода "мелочевку", сужая таким образом возможности заниматься кардинальными вопросами и отдыхать. Подчеркивая в книге о Сталине, что Ленин лишь дважды отдыхал в трудные 1917 и 1918 годы, Дмитрий Антонович сам же и конкретизировал эту мысль: "Первый раз, скрываясь в Разливе от ищеек Временного правительства (но мы-то знаем, что за это время им был создан гениальный труд "Государство и революция"); второй — по "милости" Фанни Каплан". Ему также отлично известно, что и в дальнейшем, уезжая в Подмосковье на отдых, глава Совнаркома там трудился, и трудился столько, сколько позволяло здоровье.

Нелишне отметить, что Владимир Ильич, в отличие от руководителей более позднего времени, за пять послеоктябрьских лет **ни разу** не побывал на черноморском побережье, на крымском или кавказском курортах. А его отдых в подмосковных Корзинкине или Горках был неизмеримо скромнее, чем Брежнева, Горбачева или Ельцина на ультракомфортабельных дачах Завидова, Сочи, Ялты, Фороса и т. п.

Не украшают портретиста и байки о том, что Владимир Ильич "был страшно осторожен, лично никогда не рисковал. После приез-

да в Москву у него всегда была постоянная охрана". А ведь на самом-то деле он уже в юности был смелым и отважным человеком. Это наглядно проявилось во время студенческих волнений в Казанском университете 4 декабря 1887 года, когда 17-летний первокурсник В. Ульянов, зная, что полиция смотрит на него, как на брата "цареубийцы", все же бросился в числе первых на сходку протеста в актовый зал. А разве "осторожный" человек, находившийся уже семь лет под бдительным надзором полиции, рискнул бы вести пропаганду среди рабочих Питера в 1894—1895 годах, зная, что за это его ждет жестокая внесудебная расправа — тюремное заключение и сибирская ссылка? Владимир Ильич рисковал, когда вез из-за границы в чемодане с двойным дном нелегальную литературу. Жизнью он рисковал в годы первой русской революции при эмиграции в Швецию: лед в заливе, по которому он пробирался до острова, стал уходить из-под ног... На каждом шагу подстерегала его опасность и в 1917 году, когда он один шел ночью в Смольный, чтобы возглавить начавшуюся Октябрьскую революцию. Наконец, глава Советского правительства многократно рисковал и в 1918 году, в Москве, когда **без всякой охраны** посещал митинги рабочих. Этим и воспользовалась Ф. Каплан, совершая покушение на вождя 30 августа на заводе Михельсона. А уж какая нынче охрана у главы Российского государства в Кремле, Завидове и во всех других местах, где он появляется... Но об этом молчит трехзвездный генерал.

Зато немало усилий он приложил для того, чтобы попытаться доказать... ненормальность психики Владимира Ильича. О том, какой нелепый "компромат" он подобрал, видно из следующих эпизодов. "По ряду косвенных (?!) признаков Ленин знал о неблагополучии со своими нервами. Так, в его ранних бумагах обнаружены адреса врачей по нервным, психическим болезням, которые проживали в Лейпциге в 1900 году". Автору этой "улики" не мешало бы представить себе, что пришлось пережить Владимиру Ильичу в молодости. 1886 год — скоропостижная кончина отца, 1887-й — гибель на виселице старшего брата, Александра, в декабре того же года — ссылка его самого в Кокушкино, 1891-й — смерть сестры Ольги от брюшного тифа. Напряженная заочная учеба на юридическом факультете, участие в деятельности революционного подполья Самары и Петербурга, прерванная арестом и 14-месячным заточением в одиночке Дома предварительного заключения, и, наконец, трехлетняя ссылка в сибирском Шушенском и эмиграция за рубеж. Плюс к этому — еще и переживания, связанные с арестами и ссылками сестер Анны и Марии, брата Дмитрия, беспокойство за мать... Так неужели после стольких потрясений Владимир Ильич не мог подумать о посещении врача?

"Известный историк" продолжает свои поиски и выкапывает новый пример: "Как рассказывает К. Радек, когда Ленин возвращался в Россию и переехал шведскую границу в апреле 1917 года, в вагон вошли солдаты. "Ильич начал с ними говорить о войне и ужасно побледнел". Что же тут необычного увидел Дмитрий Антонович? Ведь Ленин и другие эмигранты уже знали, что за то, что они возвращались на родину через вражескую Германию, их могли объявить агентами кайзеровского правительства и арестовать. И наверняка тогда в вагоне екнуло сердце не только у Ильича.

Волкогонов же нанизывал подобного рода "компромат" для далеко идущего вывода, кстати, сделанного до него еще в 20-х годах в эмигрантской литературе. Он уверяет, что главой Советского правительства в 1917 году стал деятель, у которого с психикой было не все в порядке... "Власть — огромная, бесконтрольная, необъятная — усугубила болезненно-патологическое проявление в психике Ленина. Вспомним, в августе—сентябре 1922 года **Ленин выступает инициатором высылки** российской интеллигенции за рубеж, беспощадной и бесчеловечной. Выгнать цвет российской культуры за околицу отечества — такое могло прийти в голову только больному или абсолютно жестокому человеку".

Мне же представляется больным и архилицемерным человеком сам автор. Ведь Волкогонов в учебном пособии "Воинская этика" (М., 1976) с умилением писал о критике Лениным работ Н. Бердяева, Э. Радлова и других реакционеров за "защиту интересов эксплуататорских классов" и за "злобную критику социализма". Другими словами, Дмитрий Антонович безоговорочно **одобрял высылку философов-противников советской власти** "за околицу отечества". К 1991 году генерал "прозрел" и в книге "Триумф и трагедия" писал уже иначе: "**В то время, пока Ленин болел**, по **инициативе ГПУ** и при поддержке **Сталина** была предпринята необычная акция: 160 человек, представлявших ядро, цвет русской культуры... были высланы за границу". И вот теперь, в книге "Ленин", в инициативе высылки обвиняется Владимир Ильич. Три точки зрения на один и тот же факт — не много ли для дважды доктора наук? Ведь тут он переплюнул самого полицейского надзирателя Очумелова — чеховский "хамелеон", как известно, имел лишь две точки зрения на укус борзым щенком пальца мастера Хрюкина.

А вот еще пример способности Волкогонова быстро перекрашивать свои взгляды на одну и ту же проблему в контрастные цвета. В "Триумфе и трагедии" он в связи с заключением Советским правительством Брестского мира с Германией в марте 1918 года прямо-таки курил фимиам по адресу Владимира Ильича: "В истории есть мало подобных прецедентов прозорливости и мудрости в решении

столь сложных вопросов, какими являются война и мир. Ленин не побоялся обвинений в "капитулянтстве", "отступлении", "сдаче на милость империализма", которыми осыпали его левые эсеры, "левые коммунисты", люди фразы, прямолинейно, примитивно понимавшие суть революционной чести" (кн. I, ч. I, с. 87).

Прошло два—три года после публикации этих вдохновенных строк, и в сборнике "Ленин" автор, как ни в чем ни бывало, обвиняет Владимира Ильича за заключение Брестского мира, утверждая, что его усилиями "Россия оказалась побежденной и пала ниц перед почти поверженным противником в лице Германии..." и что он "во имя власти... был готов отдать пол-России" (т. 1, с. 331, т. 2, с. 157). Упомянув вскользь, что с низложением 9 ноября 1918 года кайзера Вильгельма тяжкие условия Брестского мира были денонсированы, Волкогонов делает "открытие": "Антанта спасла Россию от унизительных условий ленинско-кайзеровского мира".

Чем пристальнее всматриваюсь я в "портрет" Ленина, сочиненный Волкогоновым, тем чаще мелькает парадоксальная мысль: а ведь почти все отрицательные черты и недостатки, которые им приписываются герою, свойственны, прежде всего, самому автору. Это он никогда никем не руководил, кроме своей жены (ведь Дмитрий Антонович не был ни командиром взвода, ни замполитом подразделения). И тем не менее он набрался наглости заявить в интервью корреспонденту "Аргументов и фактов" (1994, № 35, август):

"Ленин пришел в революцию сорокасемилетним, до этого времени он работал в обычном понимании этого слова — всего полтора года помощником присяжного поверенного. Вел шесть дел мелких воришек, ни одного дела не выиграл. По-настоящему **никем, кроме Надежды Константиновны, не руководил**, а тут приходится заниматься государственными делами гигантского масштаба. Он и телефоном-то плохо пользовался, без конца писал записки...". Если помыслить по-волкогоновски, то Пушкин совершенно не "работал в обычном понимании этого слова". Но с каких это пор труд профессионального журналиста и литератора не засчитывается в трудовой стаж? И из каких это "секретных архивов" портретисту ведомо, что председатель Совнаркома кому-то писал записку, хотя можно было переговорить по телефону? А ведь Владимир Ильич создавал "Искру" и руководил работой редколлегии, причем не только этой газеты, но и других органов, в том числе и "Правды". И почти не было такого дня, когда бы он не работал над статьей или книгой. А постоянное руководство ЦК партии, подготовка и проведение за границей совещаний, конференций, пленумов ЦК и съездов партии, руководство всеми провинциальными комитетами в России — это тоже не труд, не руководство людьми?

Другой характерный пример "честности" портретиста. В свое время, как непревзойденный аллилуйщик, он писал о трудах Владимира Ильича только в превосходной степени, а теперь, настроившись только на хулу и глядя на него свысока "холодным взглядом историка", он без тени смущения изрекает: "Ленин не был великим мыслителем", а его философские работы — "довольно примитивны (?!), основаны на комментариях Гегеля, Канта, Маркса" (Аргументы и факты, 1991, № 45). Только автор этой малограмотной фразы может точно разъяснить ее смысл. И разве Владимир Ильич не проявлял глубочайшего интереса к трудам Энгельса, Фейербаха?

Что же касается заявления о "примитивизме" ленинских философских работ, то их будут читать и изучать многие из грядущих поколений. А вот брошюры и книги самого Дмитрия Антоновича настолько примитивны и основаны на комментариях (не Гегеля!) Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева, пропаганде решений партсъездов, что даже сам автор теперь не согласится на их переиздание. Так что вклад генерала в философию и историю весьма скромен, и сам он не подготовлен к серьезному анализу трудов Ленина по философии, истории, политэкономии, социологии, статистике.

Невольно припоминается замечание Г. Матвееца о том, что принципиальность бывает разная: "Волкогонов, например, под старость заявил, что всю жизнь не тем делом занимался, не на той улице (приведшей его к генеральским погонам) жил. Сейчас он клянет "ту жизнь" (Советская Россия, 1993, 17 июня). Клянет не только дело своей жизни, но заодно не устает порочить и творца великих идей, на пропаганде которых сам-то получил докторские дипломы.

Его, оказывается, "всегда поражала способность Ленина к бездумному экспериментированию, имея в руках как предмет бредовых опытов классы, государство, народы, армию" (т. 1, с. 310). А для того, чтобы уж окончательно опорочить героя своей книги, он заявил, что "ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался, хотя он очень любил им заниматься... Несостоятельность пророчеств является, по сути, безоговорочным приговором человеку, считавшемуся гением". (К слову заметим, что по желанию Волкогонова гений перестал быть гением).

Эту нигилистическую байку Дмитрий Антонович позаимствовал у В. Чернова (бывшего министра земледелия Временного правительства, организатора мятежей в Поволжье против советской власти), который в статье, посвященной кончине Владимира Ильича, хотя и высоко отозвался о его мастерстве "великолепно ориентироваться" в текущем политическом моменте и предвидении "бли-

жайших политических последствий", но и полагал, что Ленину присущи были "абсолютная беспочвенность и фантастичность... всех его программных идей и планов, рассчитанных на целую переживаемую эпоху".

Но простительно заблуждаться Чернову, который с 1920 года обитал за границей и многого недопонимал, да и в начале 1924 года не все планы Владимира Ильича были реализованы. Но заместитель начальника ГлавПУРа являлся знатоком ленинских эпохальных прогнозов, был очевидцем претворения их в жизнь, без устали пропагандировал их в массах...

Разве история не подтвердила правоту гениального ленинского предвидения о возможности победы социалистической революции в одной стране, причем не обязательно высокоразвитой в экономическом отношении,а конкретно — в России? Или не оправдалось предвидение Владимира Ильича, что победа Великой Октябрьской социалистической революции стремительно ускорит национально-освободительное движение и приведет к краху колониальной системы империализма? Неужели не ясно, что события 1990-х годов не поколебали ленинского прогноза о том, что социализм — это светлое будущее всего человечества?

Неуклюже и цинично выглядит попытка Волкогонова обвинить Ленина в развале СССР. Заявив, что это сделали не Горбачев и не Ельцин, он с серьезным видом утверждает: "Глубинная мина под Союз была заложена еще Лениным в 1920 году, когда Политбюро стало ликвидировать губернии и создавать национальные формирования. Это — главная причина распада СССР" (т. 2, с. 420).

Если бы он интересовался историей, то даже из "Краткой исторической энциклопедии" узнал, что не Политбюро создавало национальные образования — они создавались декретами ВЦИК и Совнаркома, скажем, от 23 марта **1919 года** (а не 1920-го) о создании Башкирской АССР. На Украине буржуазно-националистическая Центральная рада возникла еще при Временном правительстве в России. А в декабре **1917 года** 1-й Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину республикой Советов.

Искажения Волкогоновым истории создания национальных формирований — это детали, но немаловажные. Главное же состоит в том, что благодаря Ленину национальный вопрос был решен в СССР самым блистательным образом, и дружба народов стала одним из источников могущества нашего отечества, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны, а затем и в период восстановления и развития экономики и культуры.

Так что, Ленин является главным виновником распада СССР, а верхушка партийных и советских аппаратчиков, в которой Волко-

гонов играл не последнюю скрипку. Это она, так рьяно радевшая о своем благополучии за казенный счет, недооценила научно-техническую революцию, происходившую в мире в 60—80-х годах, и породила застойные явления в экономике Советского Союза, а затем и всеобщий кризис социализма. И прав В. Большаков, считающий, что с негативом, который привносила гонка вооружений, навязанная нам НАТО, и другими провалами в экономике "еще можно было справиться. Неправильно было другое — то, что верхушка партии окончательно оторвалась от народа, обуржуазилась, и поставить ее на место, отстранить от руководства партией ни у кого не нашлось мужества и сил. Это неизбежно привело к падению авторитета партии в народе, а затем, в последние годы правления Брежнева, — к прогрессирующему параличу административно-командной системы управления страной. Возникший кризис усугубили как нажим на СССР извне, так и предательские действия возглавляемой Горбачевым армии идеологических власовцев" (Правда, 1995, 19 января).

"Глубинная же мина" под СССР была заложена той частью перерожденцев, которая в конце 1980-х годов объявила себя "демократами" и вошла в состав руководства РСФСР. Это они, стараясь свалить союзные власти, поддержали забастовки шахтеров Кузбасса и тем самым нанесли огромный ущерб всей экономике страны; произвольно сократили взносы в союзный бюджет; пообещали автономиям столько суверенитета, сколько те смогут "проглотить"; по существу поощрили требования прибалтийских и закавказских националистов о немедленном выходе из СССР; начали очернять советскую историю и оголтело нападать на Ленина и КПСС. Апогеем этой геростратовой деятельности стали Беловежские соглашения, во много крат ускорившие разрушение (а не распад) великого многонационального государства.

... Вот таким неприглядным выглядит "политический портрет" Ленина у Дмитрия Антоновича: что ни сюжет, то ложь да навет.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Волкогоновский двухтомник о Ленине вышел в свет в июне 1994 года и тогда же состоялась его помпезная презентация, но, как отмечалось 23 августа в "Книжном обозрении", новинка не "всколыхнула полемики в прессе" и не вызвала "бурного восторга в демократических и "антикоммунистических" кругах".

Наступил 1995-й, а в центральной периодике так и не появилось обстоятельной рецензии на волкогоновского "Ленина". Во многом это объясняется тем, что и на сей раз сказались порочные методы автора. А они были замечены еще в книгах о Сталине и Троцком канадским ученым Л. Максименковым, который в мартовской книжке "Свободной мысли" за 1993 год отмечал "поверхностное прочтение источников, граничащее с непониманием текста", "сомнительные анализ и интерпретацию документа", "баррочную идеологизированную беллетристику в качестве "надстройки".

Автор не только не избавился от этих недостатков при сочинении "политического портрета" Ленина, но и обильно усеял его страницы ошибками, домыслами, измышлениями и клеветой, да придал ему еще и злобную тональность, создав таким образом грязный пасквиль на великого революционера и гениального мыслителя.

Предвидя, что столь лживая книга вызовет негодование у многих читателей, опытный фальсификатор старается опередить закономерную критику и свалить все с больной головы на здоровую, представляя своих оппонентов, чуть ли не болезненными фанатиками. На последней странице 2-го тома он пишет: "Все, что сказано в этой книге, будучи опубликованным, на какое-то время увеличит число моих недругов. А их и сейчас немало... Сколько в последние годы я получал писем с приговорами, угрозами, слушал злобные анонимные звонки и грязные слова в спину... Колоссальная апологетичность одностороннего взгляда на Ленина столь велика, что на многих совершенно не действуют даже самые достоверные документальные аргументы. Ленинская судьба стала роком миллионов. От ленинизма людей окончательно вылечит лишь время".

Это фарисейское заявление свидетельствует в первую очередь о том, что наш генерал, денно и нощно находящийся под охраной дюжих молодчиков и прекративший общение с простыми гражданами, потерял представление о реальной действительности. Ведь многие из его "недругов" — это миллионы ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил. Они не забыли, как сановный политрук еще недавно славил Великий Октябрь, Ленина, КПСС, Советскую власть, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, моральный кодекс строителя коммунизма, успехи стран социалистического содружества и Варшавского договора и как гневно клеймил происки агрессивных империалистических кругов, НАТО, ревизионистов и диссидентов.

Некоторые ветераны еще хранят книги былого коммунистического проповедника, заглядывают в них. А наиболее дотошные знакомы и с брошюрой Ольги Волкогоновой "Приоткрывая завесу

времени" (М., Политиздат, 1989, с. 108), которая, солидаризируясь со своим именитым отцом, заявила: "Коммунисты уверены, что социализм в конечном счете докажет преимущества в условиях мирного сосуществования и соревнования с капитализмом".

И вдруг, с начала 1990-х годов, один из ведущих идеологов разрывает с КПСС и переходит в стан бывших партийных бонз, уже поменявших свои коммунистические убеждения (убеждения ли?) на теплые местечки, которые щедро раздавались всем, кто проявлял патологическую ненависть к Ленину, ленинизму и всему советскому. Судя по всему, семья Дмитрия Антоновича — жена-историк, дочь-философ и вторая дочь-журналистка — одобрили его отказ от дела своей жизни.

Но миллионы рядовых коммунистов и беспартийных тружеников не в пример волкогоновым, яковлевым, бурбулисам и гайдарам, не пожелали стать Иванами, не помнящими родства, и отречься от советского строя, который устанавливался героическими усилиями дедов, отцов или самими, и от тех социальных завоеваний, которые имеет только социалистическое общество. Эти-то миллионы людей, которых генерал-философ называет "недругами", считают его — приближенного правящей верхушки — одним из непосредственных виновников неисчислимых бед, свалившихся после августовских событий 1991 года. При активном участии волкогоновых были разгромлены КПСС, профсоюзы, комсомол, политорганы Вооруженных Сил, урезаны права Советов всех уровней, начался всплеск национализма и сепаратизма (особенно в Чечне). Апогеем же этой вакханалии стали Беловежские соглашения, ставшие началом ликвидации СССР. Возникновение на месте великого многонационального государства 12-ти суверенных стран привело к нарушению прочно сложившихся экономических связей и неминуемому падению производства; шоковая терапия начала 1992 года лишила россиян их трудовых сбережений, и подавляющее большинство вкладчиков не только потеряло возможность жить с перспективой на завтра, но и не имеют всего необходимого сегодня.

За последующие три года промышленное производство сократилось на 50 процентов. Агропромышленный комплекс страны поставлен на грань разорения. Грабительская приватизация привела к разрушению военно-промышленного комплекса, разграблению природных ресурсов, ослаблению суверенитета страны. Миллионы россиян стали людьми второго сорта в Прибалтике, а десятки миллионов стали безработными. Обнищание народных масс привело к тому, что смертность стала превышать рождаемость, а продолжительность жизни резко снизилась на несколько лет. Провозглашенные Советской конституцией права граждан на труд, на отдых,

на бесплатные образование и здравоохранение, на жилье, обеспеченную старость, защиту материнства и детства — всего этого лишились простые труженики. Зато 10 процентов населения, так называемые "новые русские" (название-то какое придумали для ловкачей, умеющих обходить законы и жиреть за счет народного добра), получают доходы, в 23 раза превышающие заработки обездоленных граждан! Угрожающих размеров достигла криминализация общества. Средства массовой информации пропагандируют западный образ жизни, жестокость и насилие, бездуховность и безудержный секс, жадность и холуйское преклонение перед денежным мешком, карьеризм и индивидуализм. В то время, как "элита" отдыхает на Канарских островах и покупает виллы за границей, трудовые люди потеряли всякую возможность лечиться в санаториях, отправлять детей в летние лагеря, путешествовать по своей собственной стране, даже видеться со своими родными, живущими в других регионах России, не говоря уже об оставшихся в "ближнем зарубежье". Люди обобраны, унижены, разобщены. Даже посылки, телеграммы, междугородные переговоры для большинства становятся непозволительной роскошью...

Вот, что порождает недовольство простых тружеников и рост "недругов" генерала-"демократа". И если бы он появился сейчас в Ульяновске, где прошли пять лет его жизни и начало карьеры политработника, да без охраны встретился бы с читателями, скажем, в гарнизонном Доме офицеров, то зримо убедился бы, что представляют собой его "недруги". И не "в спину", а в лицо ему было бы сказано столько нелицеприятной правды... Где-где, а уж в родном городе Ильича трехзвездный генерал убедился бы, что здесь действительно у многих сохранилась "колоссальная апологетичность одностороннего взгляда на Ленина".

К концу же года Дмитрий Антонович убедился и в том, что его уже не жалуют и "демократические" издания, раньше так охотно предоставляющие ему свои страницы. Дело дошло до того, что его доклад на прошедшей в Москве конференции на тему "Ленин в судьбе России" не заинтересовал даже любителей "жареных" фактов. Тогда генерал не нашел ничего лучшего, как послать текст выступления в парижскую "Русскую мысль". Сообщив биографические сведения, он неожиданно назвал себя "идеологическим расстригой" (на сей раз вполне верно и даже остроумно). Весьма безрадостно и его признание о реакции в Российской Федерации на заключительную часть его трилогии "Вожди": "Написав политический портрет Ленина (а в ленинизме я вижу генезис всех бед России в XX веке), я дополнительно приобрел на родине миллионы новых недоброжелателей. Разгромных статей, эквивалентных тем, что появились в

"Правде", я насчитал более десятка. И... ни одной позитивной. Демократические издания словно выжидают, чья возьмет. Или собирают индульгенции?".

Это невнимание к творчеству "известного историка" в определенной мере объясняется тем, что его нападки на Владимира Ильича выглядели чересчур конъюнктурно и предвзято. В. Большаков в этом еще раз убедился, когда познакомился с новейшим волкогоновским трактатом о Ленине: "Право, прежние научные труды генерала в защиту ленинизма были куда убедительнее. Старый начетчик и талмудист не изобрел велосипед, а всего лишь изложил известные антиленинские тезисы эмигрантских публицистов и философов 20—30-х годов и программные установки последователей Власова из НТС".

И это, действительно, так: многие страницы двухтомника "Ленин" усеяны цитатами из книг Н. Бердяева, А. Балабановой, А. Богданова, Н. Валентинова, Ю. Мартова, А. Керенского и других оппонентов Владимира Ильича, а также А. Авторханова, А. Солженицына, Д. Штурман, но и эти современные антикоммунисты опирались на писания эмигрантов первой волны.

Парижский корреспондент "Правды" объясняет охлаждение к писаниям Дмитрия Антоновича тем, что этот "классический номенклатурный философ — аллилуйщик времен застоя генерал от марксизма-ленинизма", "идеологический "расстрига", а уж точнее, если использовать религиозную терминологию, выкрест, обругал все, что было до его обращения в демократическую веру, все, что было полезного для государства и народа при Советской власти. В результате объективно такие, как он, идеологи... обезоружили новую демократическую власть".

Вместе с тем и сам Волкогонов почуял, что противоречия в России, где произошло невиданное в мире разделение общества на сверхбогатых и сверхбедных без многочисленного "среднего класса", грозит социальным взрывом и, по мнению западных обозревателей, "возврат к той или иной форме социализма в России неизбежен". И заметался бывший главпуровец в растерянности, ибо несмотря на все свои старания, остался чужим для демократов из лагерников и диссидентов, захвативших монополию на истину. В народе же волкогоновы своими нападками на коммунизм и Ленина авторитета не приобрели. И, скрепя сердце, вынужден был Дмитрий Антонович в письме к редактору парижской "Русской мысли" с грустью признать: "...Ленин позитивно живет, согласно последнему опросу, в сознании почти шестидесяти процентов россиян...".

Можно полагать, что во многих бывших союзных республиках, в первую очередь на Украине и в Белоруссии, при опросе этот

показатель оказался бы примерно таким же. А это значит, что большинство населения по-прежнему сохраняет приверженность социалистическим идеалам, считает советскую власть наиболее демократичной, а советский образ жизни, патриотизм и пролетарский интернационализм — непременными принципами своей, советской морали.

И тем не менее, государственные средства массовой информации России продолжают вести изощренную антиленинскую, антикоммунистическую и антисоветскую обработку граждан, наглухо заблокировав всякую возможность для коммунистов разоблачать ложь и клевету на Ленина — гениального сына России. Вносит свой увесистый вклад в эту неблаговидную кампанию и наш портретист, создавший, по моему глубокому и твердому убеждению, самую лживую книгу о Владимире Ильиче.

В эпоху работы знаменитых съездов народных депутатов РСФСР Волкогонов, завершив выступление на трибуне, обычно бодро произносил: "Честь имею!". В последнее же время Дмитрий Антонович, знаток проблем этики, о чести предпочитает не поминать. Впрочем, эта тема приобрела для него щекотливый характер. Всем известно, что в октябре 1993 года генерал был одним из инициаторов пальбы из пушек по парламенту своей страны. И был за это в чести у "демократов". А этой зимой он, официальный советник президента, вдруг осудил осаду российскими войсками столицы Чечни, но словно осекся и прекратил рассуждать по этому поводу. Оставив злободневную современность, он углубился в изучение документов полувековой давности — о местах захоронения американских военнослужащих на территории Советского Союза.

Что же касается чести ученого и публициста, то она обязывает, коль в прессе появились резкие критические статьи о двухтомнике "Ленин", не уклоняться от публичной полемики и тем более — не жаловаться в редакцию парижской "Русской мысли", а обратиться, скажем, к давно знакомой "Правде", да честно ответить с ее страниц, на критические статьи своих оппонентов, если есть что ответить. И, с учетом того, что в умах и сердцах 60-ти процентов соотечественников Ленин все еще "позитивно живет", покаяться перед ними за то, что оплевал всю советскую историю, за злобные наветы на Ленина и на тех граждан, которые не изменили социалистическим идеалам.

В заключение нельзя не остановиться на недавнем эпизоде, характеризующем моральное падение бывшего заместителя начальника ГлавПУРа. 11 января 1995 года в передаче "Монолог" (РГТРК "Останкино") депутат Государственной думы А. Е. Гербер сказала, что "мы жили в общем в фашистской стране".

Группа депутатов 25 января на заседании Госдумы потребовала принять заявление в связи с выступлением Гербер, в котором осудить ее за тяжкое оскорбление, нанесенное всему нашему народу, предложить извиниться перед ним за оскорбление, прозвучавшее в "Монологе". Но в ходе голосования этот вопрос не был включен в повестку дня. Корреспондент "Рабочей трибуны", перечисляя фамилии тех, кто поддержал мнение Гербер, назвал Е. Гайдара, Д. Волкогонова, М. Полторанина...

Но ведь эта троица являлась номенклатурой ЦК КПСС: Егор Тимурович был сотрудником "Правды" и "Коммуниста", Михаил Никифорович — главным редактором "Московской правды", а Дмитрий Антонович — одним из руководителей партполитработы в Советских Вооруженных Силах. Каждый из них рьяно отстаивал коммунистическую идеологию, расхваливал советский образ жизни, призывал укреплять советский патриотизм, пролетарский интернационализм, дружбу народов, клеймил агрессивную сущность империализма, разоблачал происки НАТО и т. п.

И эти идеи находили отклик в умах и сердцах миллионов простых тружеников, вдохновляли их на дела по укреплению могущества нашего великого многонационального государства. И что тут было фашистского? Кому не ясно, что если и были в развитии страны какие-то перегибы, несправедливости и даже репрессии, то они были на совести определенных кремлевских руководителей и обслуживающей их номенклатурной элиты, вроде волкогоновых. Допустим, что они теперь "прозрели" и полагают, что служили тоталитарной системе и даже "фашистской" стране, то кому-кому, как не этой элите, следует честно покаяться (к чему она постоянно назойливо призывает ни в чем не повинных простых людей). И пора бы тогда явиться с повинной в суд с просьбой о привлечении к уголовной ответственности и уж во всяком случае сложить с себя полномочия парламентариев, сойти с авансцены политической жизни, не красоваться на экранах телевизоров, не заполонять печать своими разоблачениями недостатков и "ужасов" советского социалистического строя, отказаться от чинов и званий, которые им даровали ЦК КПСС и Советское государство.

Что касается Волкогонова, то, во-первых, он больше, чем кто-либо из нынешней правящей элиты, занимался политическим воспитанием десятков миллионов солдат и офицеров, проходивших службу в Армии и на Флоте в 1950—1990-х годах и, следовательно, несет личную ответственность за их боевую и трудовую деятельность, за то, какое государство они созидали и охраняли. А, во-вторых, Дмитрий Антонович как кадровый офицер особо должен сам блюсти свою честь, не ожидая чьего-либо суда... А уж если

жажда жизни не позволяет наказать себя самого, то хоть тихо уйти на покой, заняться посильным общественнополезным трудом — посадкой деревьев, воспитанием внуков и т. п. Ведь он потерял всякое моральное право руководить нашими умами, учить нас жить, неизменно оставаться в идейных лидерах. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что он или раньше лгал народу или лжет теперь. Лично же я считаю, что он искренним не был никогда, а лишь умело приспосабливался к обстоятельствам. А как автору сборника "Ленин" считаю необходимым напомнить ему мудрое изречение: "Нет большего бесстыдства, чем выдавать за правду утверждение, ложность которого заведомо известна".

СОДЕРЖАНИЕ

Волкогоновский Ленин

Технический редактор: *Н. И. Давыдова.*
Корректор: *Г. А. Караваева.*

Сдано в набор 9.03.95 г. Подписано в печать 22.03.95 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Тип-Таймс. Офсет.
Усл. печ. л. 5,35. Уч.-изд. л. 6,3.
Тираж 5000 экз. Заказ № 328.

Издательство "Симбирская книга"
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.

Областная типография "Печатный двор"
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.

Допушенные опечатки

	Напечатано	Необходимо читать
стр.27	Дома дворянского собрания:	дома дворянского собрания:
стр.28	г."Дзречье"	г."Изречье"
стр.69	изъять из "церковных"	изъять такие драгоценности из
стр.80	Так, что Ленин является	Так что не Ленин является
стр.84	представляюшие	представлявшие

ЯР